

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС ОРЛОВ

УЛЬТИМАТУМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НИКА ЛАМБЕРТА
НАЕМНИКА С ЗЕМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Тени войны

Алекс Орлов

Ультиматум

«Автор»

2002

Орлов А.

Ультиматум / А. Орлов — «Автор», 2002 — (Тени войны)

Начав карьеру рядовым десантником в армии Примарской Империи, Ник Ламберт дорос до звания генерала и получил в командование подразделение наемников из его родных мест. Долгая военная жизнь многому научила Ника, и он начал задумываться о смысле и целях войны, которой не видно конца. В своих сомнениях он уже не одинок: десятки тысяч людей покидают воюющие государства, чтобы укрыться от войны на планетах Равновесного Мира. Но Ник не бежит, он решает действовать иначе. Служба имперской безопасности спешит расправиться с ним, для чего даже идет на сговор со своим противником – разведкой Урайи. Генерала посылают на самые гибельные задания, устраивают на него покушения, но верные друзья и опыт помогают ему выжить...

© Орлов А., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	30
Глава 13	34
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	40
Глава 17	45
Глава 18	49
Глава 19	51
Глава 20	53
Глава 21	54
Глава 22	59
Глава 23	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алекс Орлов

Ультиматум

Пролог

Победа, еще несколько лет назад казавшаяся примарам такой близкой, теперь снова была призрачна, как и в давние времена. Урайцы, лишившись своих главных стратегических ресурсов в результате действий вражеских диверсантов, за несколько лет сумели провести коренную технологическую реформу и научились обходиться без незаменимых прежде «черных кристаллов».

Планеты, потерянные ими в годы перевооружения и вынужденного ослабления активности на фронтах, теперь снова становились полем боя в тысячелетней войне, и Урайя входила в ее новую фазу окрепшей после череды жестоких испытаний.

Противостоявшей ей Примарской империи, уже привыкшей было к легким успехам, пришлось вспомнить о временах переменчивого военного счастья, когда наступления чередовались с обороной и изматывающей позиционной войной.

Отделенный от беспокойных соседей труднопроходимыми аномальными пустотами, жил по своим законам до поры до времени неизвестный им иной мир. Первыми его открыли урайцы и назвали Страной Варваров, примары же именовали Новыми Территориями. Сами его обитатели предпочитали называть свой мир Равновесным.

Шло время, и Равновесный мир все больше втягивался в битву гигантов, экспортируя ежегодно десятки миллионов наемников. Поскольку на рынок войны поставлялись уже готовые специалисты, их охотно принимали обе воюющие стороны.

За десятилетие, прошедшее после того как в Равновесном мире узнали о бушевавшей «неподалеку» тысячелетней войне, в нем сформировалась процветающая индустрия, занимавшаяся исключительно выполнением военных заказов.

Поначалу потребители нуждались только в живой силе, но со временем на планетах Равновесного мира как грибы после дождя начали возникать и множиться исследовательские центры – примары и урайцы переносили на нейтральную территорию научные проекты не самой первостепенной важности.

По мере вовлечения экономики Равновесного мира в чужую войну в его банковском обороте стали широко применяться урайские дархамы и примарские империалы. Местные биржи охотно их котировали и проводили торги с увеличивавшимися раз от разу суммами.

Производители всех стран Равновесного мира нуждались в той и другой валюте, спеша приобрести новые технологии в воюющих державах, которые добились немалого в этой области.

Вслед за технологиями в Равновесный мир хлынул поток новых наркотиков, производство которых тоже достигло там значительных высот. Преступные синдикаты с энтузиазмом расхватывали их, вызывая тем самым недовольство у монопольных производителей дурмана – планет Треугольника. Это самопровозглашенное и никем не признанное официально псевдогосударственное образование вело непримиримую борьбу с новыми наркотиками, не гнушаясь ничем.

Спецслужбы Урайи и Примарской империи также не остались в стороне от происходивших в Равновесном мире событий и продолжали свои бесконечные шахматные партии, стремясь установить контроль над политиками и политикой туземных государств.

Глава 1

Полуденный гонг прозвучал необычно громко, заставив инженера Джона Саблина оторваться от чертежей и посмотреть на часы.

– Такое ощущение, Клод, что сегодня время до обеда пролетело как-то незаметно, – сказал он, поднимаясь со стула.

– Это потому, дружок, что ты вчера покувыркался с малышкой Би и все еще находишься под впечатлением от ее роскошных форм, – ответил Клод Даву. – Как она, кстати? Так хороша, как описывал ее Пацильери?

– Твой Пацильери болтун, – снимая халат и антистатические нарукавники, недовольно пробурчал Саблин. Ему нравилось считать себя хладнокровным человеком, но стоило кому-то упомянуть Тони Пацильери, менеджера отдела поставок, как его начинало трясти.

– Ну, болтун так болтун, – легко согласился Клод, разглядывая себя в небольшом зеркальце и щупая пальцами мешки под глазами. – Наплевать на него. Меня интересуешь ты и малышка Би.

– Для чего тебе это, Клод? Это наши с ней отношения, и я...

– Да ты остынь, приятель. – Клод миролюбиво улыбнулся коллеге и открыл перед ним дверь их тесной комнатухи, делая приглашающий знак рукой. – Просто вы познакомились не без моей помощи, а значит, я имею право знать, как развивается роман. Я имею право знать, – со значением добавил Клод.

– Ну хорошо, – неохотно произнес Джон, выходя в коридор.

– Стоп! – неожиданно остановил его Клод. – Что же это мы с тобой инструкции нарушаем?

С этими словами он вернулся к столам и начал сворачивать чертежи, чтобы убрать их в сейф.

– А и верно, – согласился Джон. – Только ты, кажется, все перепутал.

– Что я перепутал?

– Да вот же, – Джон ткнул пальцем в ворох чертежных копий, который держал Клод. – Вместе с проектом «00237» ты прихватил два документа из «9387-01».

– Какая разница, они почти одинаковые, если не считать, что урайский заказ выполнен фиолетовыми чернилами, а примарский – черными.

– Если узнает главный инженер, нам здорово попадет.

– Он не узнает, – уверенно произнес Клод, забрасывая чертежи в распахнутый зев сейфа. Затем запер дверку на ключ и сунул его в карман.

– Почему так долго чешетесь?! – раздался громкий начальственный окрик. – Обед – строго по расписанию. Забыли, что ли?

– Нет, сэр, мы помним! – заверил Джон Саблин, а Даву лишь утвердительно кивнул, пожирая глазами главного инженера.

– Кстати, хочу вам напомнить, – назидательным тоном продолжал начальник, – хочу вам напомнить, что работать с документами двух заказчиков одновременно строго воспрещается! Этим вы можете поставить под угрозу репутацию всей «Хубер Текнолоджис».

– О, да, мистер Ливерс, мы строго соблюдаем все инструкции! – отчеканил Клод.

– Ну хорошо. – Ливерс умолк, глядя словно в раздумье на дверной косяк и парализуя таким странным поведением своих подчиненных. – Ну хорошо, – повторил он и, повернувшись, исчез в полумраке коридора.

– Это ты накаркал, Джон, – прошептал Клод.

– Пойдем обедать, на этот раз пронесло.

Глава 2

Чтобы попасть на внешний периметр зданий, в которых размещались вспомогательные службы компании, приходилось полкилометра идти по подвесным мосткам, проложенным под самым потолком сборочных цехов.

Внизу шипели и выворачивали свои коленца неумолимые манипуляторы, собирая отдельные узлы и целые машины. Сейчас на конвейере стояли сухопутные танки «туарег», заказанные для вооруженных сил Примарской империи, а неделю назад собиралась партия танков для морской пехоты урайской армии – плавающие машины «чифтеры».

«Чифтеры» красились в темные цвета, зеленый и синий, а шустрые «туареги» – в серый и песочный.

Заказы прибывали один за другим, и предприятия компании работали с избыточной нагрузкой. Из-за этого случались накладки, когда на урайскую технику лепили трафареты каких-нибудь гвардейских подразделений примаров.

По счастью, такие вещи вовремя обнаруживались, однако существовали и куда менее заметные огрехи, которые могли проявиться только в процессе эксплуатации. Это случалось из-за того, что при сборке машин для одной и другой стороны конфликта использовались совершенно одинаковые узлы. Владелец танкостроительных предприятий, мультитриллионер Эдгар Хубер предпочитал доить обе конфликтующие державы одновременно и для этого выступал от имени двух разных компаний. И урайцы, и примары давали ему деньги на военные разработки, но пройдоха Хубер делал одну программу на двоих, а половину суммы преспокойно клал в карман.

Чтобы не возникало никаких вопросов, примарские заказы он размещал на предприятиях «Хубер Текнолоджис», а танки для урайцев формально производились на заводах «Блу Машинс».

Однако компания «Блу Машинс» не имела собственных производственных мощностей, ее «предприятия» были на самом деле старыми свежеокрашенными ангарами, причем находились, как правило, в тех же городах, что и заводы «Хубер Текнолоджис».

По ночам новенькие урайские «чифтеры», «памфорды» и «глобалы» грузились на платформы и под покровом темноты перевозились на склады готовой продукции предприятий «Блу Машинс». Таким образом, приличия соблюдались, заказы выполнялись, а Хубер получал сверхприбыли.

Порой ему приходило в голову, что заказчики знают о его махинациях, однако, поскольку никто ничего не говорил вслух, молчал и сам Хубер. Его изделия, пусть даже практически и неотличимые от техники противника, обходились заказчикам вдесятеро дешевле машин собственного производства. Этот выигрыш в цене заставлял их закрывать глаза на многие шалости производителей, разумеется, при условии, что это не отражалось на качестве.

– Я вот что подумал, Клод, – сказал Джон, когда они покинули зону промышленного шума и, миновав звукоизоляционные тамбуры, вышли под своды зимнего сада. – Не разразится ли у нас кризис, когда урайцы и примары кончат воевать?

– Вряд ли это произойдет скоро, – покачал головой Клод. Тут на глаза ему попала кошка, справлявшая нужду в цветочный горшок, и это вернуло его мысли в старое русло: – А кстати, как же ты покувыркался с малышкой Би?

– Опять ты за свое, – вздохнул Джон. Возле входа в столовую стояли несколько знакомых ему инженеров, и он замолчал.

– Привет конструкторам-ударникам! – приветствовал коллег Гинтас из отдела обработки. Он и стоявшие с ним рядом инженеры жевали тетрафиниловую жвачку, разрешенный наркотик, продававшийся в заводском буфете по восемь кредитов за порцию. Тетрафинил был

одним из так называемых чистых наркотиков, которые завозили с планет Урайи. Он не вызывал привыкания, быстро выводился из крови, а порождаемые им галлюцинации длились не дольше пятнадцати минут.

– Дай жевнуть, – с ходу попросил Клод, однако Гинтас, несмотря на действие жвачки, только хитро улыбнулся:

– Нет, Даву, жуй свое.

Клод скривился и последовал за Джоном Саблиным. Они вошли в Голубой зал, где подавали диетические блюда.

В соседнем, Оранжевом, можно было взять жареное мясо и острые колбаски, но там постоянно скапливались длинные очереди, а в Голубом всегда было свободно и каждый мог выбрать любой столик.

– Давай-ка сегодня откушаем молочной каши, – предложил Клод, расстроено глядя на хвост очереди, который, не уместившись в Оранжевом зале, выпирал в Голубой.

– Я не против, – пожал плечами Джон. – Тем более здесь не самообслуживание.

Они устроились у окна, неподалеку от вмонтированного в стену экрана ТВ-бокса.

Клод поманил пальцем прислуживавшую в зале полную женщину и, нагнувшись к Джону, напомнил:

– Ну так я жду подробностей.

– Да ничего не было, – быстро ответил Джон, косясь на кружевной передник официантки.

– Что будете кушать? – спросила та, нависая над посетителями огромным бюстом.

– Дайте молочной каши, – произнес Клод мрачно, словно адмирал, только что подписавший капитуляцию.

– Мне то же самое, – добавил Джон, и официантка ушла, переваливаясь, словно утка.

– Как это ничего не было? – удивился Клод. – Как это возможно, если ты ушел с малышкой Би?

В ответ Джон лишь неопределенно пошевелил бровями. Из Оранжевого зала донесся громкий смех. Не узнать его было трудно. Смеялся Тони Пацильери, предыдущий бойфренд малышки Би. Он считался красавцем и покорителем дамских сердец. А еще был штатным рассказчиком, и вокруг него вечно толпились бездельники, готовые часами слушать его вранья об амурных похождениях.

– Она что, не позволила себя проводить? – продолжал допытываться Клод.

– Позволила, – после небольшой паузы промямлил Джон. Он тупо тараторил на экран ТВ-бокса, где передавали последние новости, и думал о том, как бы ему сменить тему разговора.

– Значит, она не пригласила тебя к себе? А сам ты не напросился?

– Сам не напрашивался, – нехотя ответил Джон. – Но она меня все равно пригласила.

– Ага, уже теплее, – улыбнулся Клод. Официантка прикатила тележку с заказом.

– Эй, чем это так странно пахнет, дорогуша?

– Витаминизированный коктейль на бактериях шафранного ботулизма, – сонным голосом пояснила та. – Не хотите?

– Нет, не хотим, – в один голос произнесли оба и одновременно зажали носы.

– Тогда морковный сок, – сказала официантка и вслед за молочным супом, молочной кашей и творожными пирожками поставила на стол два стакана с жидкостью неопределенного цвета.

Она ушла. Клод осторожно дотронулся ложкой до поверхности манной каши.

– Ну и что было потом? – спросил он.

– Я же сказал – она меня пригласила.

– Это я понял. – Клод наклонился над тарелкой и потянул носом. – А ничего, пахнет съедобно, – сказал он и принялся за кашу.

Радуюсь, что коллега отвлекся, Саблин быстро заработал ложкой.

Время обеденного перерыва неудержимо шло к концу, а по ТВ-боксу все показывали рекламу. Чтобы не слышать доносящегося из Оранжевого зала смеха Тони Пацильери, Джон сосредоточил свое внимание на ролике.

«Это Яша и Паша!» – произнес за кадром радостный голос, представляя двух молодых людей, похожих друг на друга как две капли воды. На близнецах были белые штаны и красные куртки. Саблин поискал в этом какой-то смысл, но не нашел.

«Яша жует тетрафиниловую жвачку за десять кредитов, а Паша лопазитовую – всего за четыре», – продолжал голос за кадром.

«Скажи, что ты видишь, Яша?»

«Я вижу синюю собаку!» – признался Яша.

«А что видишь ты, Паша?»

«Я тоже вижу синюю собаку!» – сообщил Паша.

«Но если собаки одинаковые, зачем платить больше?!» – справедливо резюмировал голос за кадром.

– Ну так что же у вас с малышкой Би было дальше? – задержав ложку у рта, напомнил о себе Клод.

– Мы смотрели третью серию «Отца Изольды». Она закончилась очень поздно, и я пошел домой.

– Домой?! – Клод чуть не поперхнулся кашей. – И ты не попытался ее...

– Я взял ее за бедро, но она сказала, что уже поздно. Что раньше надо было... думать.

Клод Даву ошарашенно покачал головой и залпом выпил морковный сок.

– Фу, какая гадость! – скривился он, передергивая плечами.

– Зато полезно, – вяло заметил Джон.

Из Оранжевого зала вывалила группа поклонников Тони Пацильери. Заметив Джона Саблина, тот указал на него пальцем и громко возгласил:

– Очень кстати, друзья! Сейчас мы послушаем продолжение, ведь Джонни буквально только что слез с малышки Би!

И вся компания направилась к столу Даву и Саблина.

– Зачем этот спектакль, Пацильери? – поднялся на защиту коллеги Клод, но Тони сказал ему «заткнись», и он замолчал.

– Ну так что? – упершись руками в стол, Тони склонился над Джоном и насмешливо улыбнулся. – Трахнул безотказную, цуцик?

– О... она не безотказная, – произнес Джон, заикаясь.

– Да? – Пацильери с ухмылкой распрямился в полный рост, демонстрируя проступавшие сквозь тесную майку тренированные мышцы, обтянутые кожаными штанами длинные ноги и смоляные кудри, напомаженные какой-то модной дрянью.

Тони мнил себя чем-то вроде самца-производителя, и все его усилия были направлены на то, чтобы никто в этом не усомнился.

– Ну давай, цуцик, рассказывай! Видишь, ребята ждут!

– Чего рассказывать-то? – попытался увильнуть Джон.

– Прекращай это, Пацильери, – снова вмешался Клод, но Тони по-собачьи оскалился на него и повторил:

– Заткнись.

Предчувствуя развлечение, толпа вокруг возбужденно загудела.

«Скорее бы гонг на работу», – трусливо подумал Джон и покосился на висевшие на стене часы. До конца перерыва было целых двенадцать минут. За это время Пацильери мог отдубасить его три раза.

– Ладно, расскажу, – пробормотал он, покоряясь неизбежному.

– Она вспоминала про меня? Она сравнивала тебя со мной, цуцик? – нетерпеливо подтолкнул его Пацильери.

– Да.

– Она говорила, что я лучше? Что я гигант, а ты – цуцик?

– Слово в слово, – снова подтвердил Джон. Слушатели загоготали. – Она сказала, что по сравнению с тобой я только одна восьмая и что она никогда бы не рассталась с тобой, если бы ты не мочился во сне в ее постели.

Последовала глубокая пауза, в течение которой было слышно лишь жужжание вентиляции да болтовню диктора из ТВ-бокса, а затем толпа взорвалась громовым смехом.

Пацильери понадобилось всего две секунды, чтобы выйти из оцепенения. Он бросился на Джона и ударил его в лицо жестким, как деревянная колотушка, кулаком.

Джон опрокинулся вместе со стулом под радостные вопли все увеличивающейся толпы. В ярости он тут же вскочил на ноги и хотел было уже броситься на рослого Пацильери, однако тот только этого и ждал, и Джон вовремя опомнился. От прямого нападения толку бы не было. Он замер на месте, опустил руки. Пацильери, выкрикивая оскорбления, начал наскакивать, толкая его грудью.

– Что, цуцик, кровью захотел умыться? А, цуцик?

От Пацильери воняло кожаными штанами и специальным маслом, которым он натирался по совету своего сексопатолога, и эта тошнотворная смесь действовала на Джона посильнее толчков.

В какой-то момент отступать стало некуда – Джон уперся спиной в стену, и тогда он сделал то, чему научил его когда-то школьный приятель Эрнст Бигль.

«Если хочешь завалить здоровяка, схвати его одной рукой за яйца и дерни вверх, а другой рукой одновременно упрись в грудь и толкни».

«И он упадет?»

«Еще как упадет. Однажды я испытал этот способ на полицейском инспекторе».

И хотя Джон Саблин никогда не тренировался, прием получился сам собой. Тони Пацильери легко оторвался от земли и, пролетев метра три, разнес в куски пластиковый столик.

Получив не одну травму, а сразу несколько, Тони в запале попытался подняться, но не тут-то было. Он скорчился на полу, в ужасе ощупывая свое причинное место.

Поддерживавшая Пацильери массовка сочла, что против него был применен запрещенный прием, и на стоявшего в одиночестве Джона бросились чуть ли не двадцать человек.

Неизвестно, чем бы это закончилось, ведь даже звук гонга, известившего об окончании перерыва, потонул в криках рассерженной толпы, полной решимости отомстить за своего любимчика. Помощь пришла с неожиданной стороны.

– Прекратить!!! – рявкнул начальственный голос. Команда прозвучала настолько убедительно, что никому и в голову не пришло ослушаться. Крики стихли, все обернулись.

Это был эйс-комендант администрации Дорф Маккинрой, увечный наемник, исполнявший роль проводника дисциплинарной политики руководства. После нелегкой поездки на урайско-примарский фронт у Дорфа осталась только одна рука, однако она была опасна, как жало скорпиона.

– А ну давайте на работу, ублюдки, – глухо произнес Маккинрой, и люди начали быстро расходиться, стараясь не испытывать терпение эйс-коменданта.

Так же незаметно мимо него проскочил и Клод Даву, но когда то же попытался сделать потрепанный Джон, Маккинрой перехватил его за локоть.

– Не спеши, – буркнул он.

«Убьет! – промелькнуло в голове у Джона. – Непременно убьет».

Эйс-комендант наверняка догадывался, о чем думает пойманный им нарушитель спокойствия, однако не спешил ни подтверждать, ни опровергать его опасения. Исполосованное

шрамами лицо Дорфа хранило, как казалось Джону, какую-то жуткую тайну, а шевелившиеся кустистые брови придавали ему сходство со страшными обитателями детских сказок.

– За что ты его так? – наконец произнес эйс-комендант, слегка ослабляя хватку.

– О-он первый начал, сэр. У-ударил меня.

– Но ведь ты практически оторвал ему яйца.

Джон угрюмо кивнул. Оправдываться было нечем.

– А для парней вроде Пацильери яйца куда важнее, чем мозги.

Джон поднял глаза на Дорфа и приметил едва заметную усмешку, быстро растворившуюся среди шрамов.

– Ладно, стоило бы с тобой разобраться, но я не за этим послан.

– А зачем? – спросил Джон.

– Мне не объяснили. Сказали, чтобы доставил тебя в кабинет начальника по кадрам.

Глава 3

В приемной шефа по кадрам было тихо и уютно. Толстый ковер гасил звуки шагов, а в углу шелестела листьями карликовая пальма, которую обдувал специальный аппарат, имитировавший муссон. Под потолком в ажурных клетках порхали птички.

Секретарша шефа по кадрам самозабвенно шлифовала длинные когти, ненадолго отрываясь от своего занятия лишь для того, чтобы окинуть придирчивым взглядом очередного посетителя.

«Вам на сегодня не назначено, – говорила она слегка усталым голосом или: – Подождите немного, мистер Штольц сейчас занят». И тогда посетитель садился в одно из удобных кресел.

То же произошло и с Джоном.

– Как, вы сказали, ваше имя? – переспросила секретарша.

– Джон Саблин, мисс.

– Саблин?! – поразилась секретарша и даже привстала со своего места, чтобы получше его рассмотреть.

«Уже и здесь про драку знают», – по-своему объяснил Джон свалившуюся на него популярность.

Попытившись, он добрался до кресла и попытался в него сесть, однако кресло, как оказалось, было занято чиновником из снабженческого подразделения. Наступив ему на ногу, Джон извинился и сел в другое кресло.

Между тем секретарша не сводила с него глаз, то и дело нервно поправляя кофточку. В конце концов она поднялась из-за стола и, подойдя к Джону, присела рядом.

– Вы меня извините, мистер Саблин, – начала она, сдвигая и раздвигая красивые коленки, – но... Джудит и Нина... они беременны.

– Я не знал, – честно признался Джон и бросил взгляд на дверь начальника по кадрам. Он томился от неизвестности, хотелось поскорее выяснить, чего от него хотят. Эйс-комендант был немногословен, доставил Джона в эту приемную и молча удалился.

– Вы не подумайте, что это я пекусь о них, – продолжала секретарша свои странные речи. – Просто я столько о вас слышала от них обеих, что, увидев вас, не смогла... – девушка с шумом втянула воздух, на ее лице появился румянец, – не могла не подойти и не познакомиться. Меня зовут Британи.

– Очень приятно, – ответил Джон и кашлянул в кулак. Время, так быстро бежавшее до обеда, теперь тянулось, словно техническая резина.

– Это удивительно, как вы так хорошо выглядите, несмотря на преклонный возраст. А уж беременность Джудит и Нины – это что-то.

Секретарша неприлично захихикала, привлекая внимание нескольких ожидавших аудиенции посетителей.

– Если бы вы смогли выделить мне немного времени сегодня вечером, то я бы... – Не совладав с собой, Британи схватила Джона за колено горячей ладошкой. – И это ничего, что вы бухгалтер и что втрое старше меня. Я выше предрассудков, мистер Саблин. Поверьте.

«Это какой-то сумасшедший дом», – пронеслось в голове у Джона. Левый глаз заплывал все сильнее, лицо горело от удара кулаком. Горячий шепот новой знакомой только добавлял напряжения, и Джон вдруг ощутил невыносимый приступ клаустрофобии. Захотелось с воплем, как бывало в детстве, валить на пол стулья и все что ни попадет, однако в приемной были только тяжелые кресла, да и те почти все заняты.

По счастью, в этот момент дверь кабинета распахнулась и оттуда выскочил толстяк в летнем кремовом костюме. Его лицо и шея были пунцовыми, а на пиджаке проступали мокрые пятна от пота.

– Я все исправлю, мистер Штольц! Я исправлю! – прокричал он и, не останавливаясь, выбежал вон из приемной.

Посетители проводили толстяка понимающими взглядами, затем все головы дружно повернулись к двери кабинета, из которой появился шеф по кадрам.

– Вы кто? – спросил он, указывая на одного из посетителей.

– Служба отдельного учета. Мне необходимо...

– Неактуально, – прервал его главный кадровик и перевел указующий перст на следующего.

– Снабжение второй очереди, сэр. Мое имя...

– Неактуально, – остановил он и этого посетителя, затем спросил: – Здесь есть Джон Саблин?

– Да, сэр, я уже прибыл, – отозвался Джон и поднялся с кресла. Впечатлительная Британи негромко застонала.

– Заходите, Саблин. Есть серьезный разговор, – сказал шеф и, заложив руки за спину, прошел в кабинет первым. Растерянный Джон проследовал за ним, дверь закрылась.

Глава 4

Кабинет шефа по кадрам приятно поразил Джона своими размерами, от приступа клаустрофобии не осталось и следа.

– Догадываетесь, о чем пойдет разговор, мистер Саблин? – спросил Штольц, указывая рукой на стул.

– Э-э, очень приблизительно, сэр, – осторожно ответил Джон и потрогал заплывший глаз.

– Это вас так на тренировке отдела? – тут же спросил Штольц.

– Можно и так сказать, – согласился Джон. Он все больше запутывался и совершенно не понимал, что происходит.

Штольц удобно устроился за своим рабочим столом и, бросив перед собой папку, произнес:

– С этими однофамильцами постоянно какие-то накладки. Вот очередной казус: Джонна Саблин, бухгалтер, 68 лет, четырнадцать детей. Давно бы выгнали этого негодяя, но он прячет коды от служебных программ. Поэтому приходится терпеть его фокусы по части женского пола. Мы поначалу вас за него приняли, но, к счастью, все выяснилось – я же не идиот, я же понимаю, что вам не шестьдесят восемь лет, а только тридцать четыре.

Джон утвердительно кивнул, хотя был уверен, что ему только двадцать шесть. Впрочем, спорить с мистером Штольцем из-за такого пустяка он не собирался.

– Одним словом, теперь, когда погибли сначала Бибон, а теперь и Хикото, наступила ваша очередь, мистер Саблин. Как видите, ждать пришлось совсем недолго.

Штольц достал из ящика крупнокалиберный пистолет и положил его на стол – поближе к Джону.

– Удивительное дело, дружище, но оба раза оружие и личные вещи убитых нам удавалось возвратить, так что этот пистолет практически переходящий кубок.

– П-простите, мистер Штольц, о чем это вы мне тут говорите? Я ничего не могу понять.

– Ну как же? Вы ведь наш резервный сопровождающий.

– Какой такой сопровождающий?

– Грузов сопровождающий. Грузов, – пояснил шеф по кадрам, внимательно глядя на Джона. – Или опять случился казус и вы не Джон Саблин?

– Да нет, сэр, Саблин-то я Саблин, только не тот Саблин, о котором вы думаете! – начал объяснять Джон, понимая, куда его хотят приспособить. Сопровождение грузов компании до складов заказчика оплачивалось очень хорошо, однако недолго. Трассы снабжения пролегали по территории, где шли военные действия, а потому случалось всякое.

– То есть вы хотите мне доказать, что вам шестьдесят восемь лет и вы маньяк-бухгалтер, не пропускающий ни одной юбки?

– Да нет же, сэр.

– Ну вот, значит, вы, – тут Штольц заглянул во второе досье, лежавшее на его столе, и стал читать: – Джон Саблин, тридцати четырех лет, холост, ветеран четырех операций во внешнем конфликте, почетный сержант подразделения «Кобра». Мастер-стрелок и специалист по рукопашному бою. Минуточку. Тут написано, что у вас «высший муакон по нан-кай-до». Надеюсь, это соответствует действительности?

Ответить Саблин не успел, поскольку их со Штольцем беседу прервали.

– К вам внутренний шериф, мистер Штольц, по срочному делу, – сообщила секретарша.

– Пусть входит.

Дверь сейчас же распахнулась, и шериф, не успев войти, указал пальцем на Джона:

– Это он и есть, сэр!

– В каком смысле «он и есть»? – спросил Штольц, недоуменно глядя то на шерифа, то на Джона.

– Это Джон Саблин.

– Без вас знаю, что это Джон Саблин.

– Я хотел сказать, сэр, что на данный момент он преступник, поскольку зверски изувечил менеджера отдела поставок Тони Пацильери. Мне нужна ваша санкция на его арест.

– Постойте-постойте! – воскликнул Джон, вскакивая со стула. – Пацильери первый ударил меня, а до этого несколько раз обозвал цуциком! И еще он оскорблял мою девушку, рассказывая всем, что она легкодоступна.

Штольц и шериф переглянулись. Шеф по кадрам задумчиво побарабанил пальцами по крышке стола и спросил:

– А о какой девушке идет речь?

– Глория Панстон, сэр, – ответил Саблин. – Ее еще зовут...

– Малышка Би, – подхватил Штольц. – Но... я бы не сказал, что мисс Панстон так уж и доступна, а, шериф?

– Да, я тоже так бы не сказал, – тотчас согласился сотрудник внутренней безопасности. – Чтобы прямо совсем доступная – это нет.

– Значит, нет и причины для ареста, – подвел итог Штольц.

– Увы, сэр, не могу с вами согласиться. Ответ на оскорбление был неадекватно жесток.

– Это естественно, – пожал плечами Штольц, – мистер Саблин мастер нан-кай-до.

– Ах, вот как! – обрадовался шериф. – Это только отягощает его вину!

– Да постойте же! Постойте! – закричал Джон. – Никакой я не мастер нан-кай-до, я обычный инженер-конструктор! Моя специальность – ленточная и гусеничная подача, вот и все!

– Позвольте я запущу запись этого поединка, сэр, – строго посмотрев на Джона, сказал шериф. – Запущу прямо на вашем терминале. Тогда все вопросы отпадут сами собой.

– Извольте, – с готовностью согласился Штольц, потирая руки. – Вы, Джон, не против?

Тот в ответ только пожал плечами.

Шериф быстро набрал на клавиатуре допуск к архивам, и скоро на экране монитора начала разворачиваться эта злосчастная сценка.

К сожалению, звук оказался записан очень невнятно, и оскорбления, которые Пацильери адресовал Саблину, были едва слышны. А вот удар, которым Пацильери наградил Саблина, отчего тот опрокинулся вместе со стулом, вызвал у мистера Штольца сочувственное восклицание.

Затем последовал знаменитый бросок, техника которого пришла к Джону из его детских воспоминаний.

Рывок, толчок – и вот уже Пацильери летит над столом, словно раскрученная за хвост собака.

Затем последовали его яркое приземление и вой.

Шериф остановил трансляцию и посмотрел на Джона взглядом победителя.

– М-да, – вынужден был согласиться Штольц. – Ваш ответ, мистер Саблин, был неадекватен нанесенному оскорблению. С вашей безупречной техникой вы могли бы надавать ему по щекам. Даже наплевать по заду, если надо, но вот так...

«Я не мастер нан-кай-до!!!» – вертелось на языке у Джона, однако было понятно, что после просмотра этой записи ему никто не поверит.

– Позвольте мне арестовать его, сэр, поскольку до суда Джон Саблин должен находиться в тюрьме компании. Если суд признает его невиновным, он снова сможет приступить к работе.

– А сколько он будет ждать суда? – спросил Штольц.

– Думаю, несколько месяцев. Суд не начнется, пока на нем не сможет присутствовать потерпевший, а его сегодня увезли в городскую клинику. Поставили гипс и увезли.

– Что сказали врачи?

– Они сказали этому бедняге «крепись». Если не поможет хирургия, ему останется надеяться только на успехи протезирования. И еще... – шериф снова посмотрел на Джона, – когда Пацильери несли на носилках, Глория Панстон шла рядом и держала его за руку. И поехала с ним в клинику.

Услышав это, Джон окончательно сник и бессильно опустил на стул.

– Хорошо, – сказал Штольц. – Хорошо, что Пацильери вовремя доставили к медикам, но у нас летят все графики поставок, поскольку нет ни одного свободного сопровождающего, чтобы и стрелять умел, и в технике разбирался. Что, если мы отсрочим арест мистера Саблина, а, шериф? Ведь интересы компании для нас куда важнее личных проблем мистера Пацильери? Тем более что он и сам приложил руку к этому инциденту. Смотрите, какой у Джона огромный синяк.

– Синяк? – переспросил шериф, будто до этого не замечал на лице Джона ничего необычного. – Да, действительно синяк, сэр, и прездоровый. Отменный синячок, я бы так сказал.

– Так, значит, вы не застали у меня Джона Саблина? – подсказал Штольц.

– Не застал, – развел руками шериф. – Разве за всеми угонишься? Уехал Джон Саблин в очередную командировку.

– Ну и славненько. – Штольц улыбнулся и по-доброму посмотрел на Джона. – Вот все и улажено, Джон. Надеюсь, вы больше не будете от себя отказываться?

– Нет, сэр, – покачал головой тот, понимая, что у него нет иного выхода. – Больше не буду.

Глава 5

После этого разговора Джона Саблина отпустили домой, поскольку уже на другой день после обеда ему предстояло стартовать на орбиту Бронтзее, сопровождая к заказчикам новую технику.

– Что это с твоим глазом? – первым делом спросила сына миссис Саблина, когда он пришел домой, хотя рабочий день еще не кончился.

– Да это Клод хотел показать мне фокус, а рука соскочила и мне под глаз.

– Вот дурак-то старый! – рассердилась миссис Саблина. – То наркотики предлагает попробовать, теперь синяк ребенку посадил. Алкоголик старый. Так ты из-за синяка пришел домой так рано, Джон? Ах! – Миссис Саблина прикрыла в испуге ладонью рот. – У тебя, наверное, сотрясение мозга!

– Да нет у меня, мама, никакого сотрясения. Просто я завтра уезжаю в командировку.

– Уж не на войну ли? – почему-то сразу спросила миссис Саблина, и Джон замер. Ему показалось, будто мать знает о спрятанном на самом дне портфеля пистолете.

– Какая война, мама? В нашем Равновесном мире нет никакой войны, это во-первых. А во-вторых, мы на этой войне еще и зарабатываем.

Джон сбросил пиджак, и заботливые руки матери сейчас же его подхватили, чтобы повесить в шкаф.

– Давай и портфель тоже, – потребовала миссис Саблина, – зачем ты потащил его к себе в комнату?

– Я должен собрать кое-какие вещи, мама, – соврал Джон.

– Не выдумывай, вещи тебе соберу я.

– Да я не об этом, мама, просто мне понадобятся кое-какие книги, расчеты.

– Ах, это, – кивнула миссис Саблина. – Ну, собирай свои записи, а я пойду соберу чемодан. Надолго ты уезжаешь?

– На пару недель, а там посмотрим! – крикнул Джон из своей комнаты, осторожно нащупывая спрятанное оружие.

– А какого рода командировка, сынок? По научной части или железки свои будешь перебирать?

– По научной, мама! – ответил Джон и, достав пистолет, внимательно его осмотрел. Теперь, когда он остался с оружием наедине, пистолет показался ему не таким ужасным, как там, в кабинете.

«Сабальер» – было выгравировано на вороненой стали. Джон взвесил оружие в руке.

– Сколько белых рубашек класть, сынок? – снова спросила мать.

– Рубашек? – рассеянно переспросил Джон и, сунув пистолет обратно в портфель, вышел из комнаты.

– Ну да, сынок, ты же должен выглядеть элегантно. Торжественно, как всегда выглядел твой отец.

На последних словах голос миссис Саблиной задрожал, и она шмыгнула носом.

– Ну не надо, ма, прошу тебя, – сказал Джон и, подойдя к матери, обнял ее.

– Ты прав, сынок, ни к чему это. Так сколько рубашек класть?

– Положи пять. Или лучше три. Да, три – так будет правильнее.

На мгновение Джон представил себя в строгом коричневом костюме, при галстук и запонках. Не будет ли это слишком? С другой стороны, он понятия не имел, как должен одеваться сопровождающий грузы сотрудник. Может, лучше надеть обычную техническую куртку?

– Пойду отдохну, – сказал Джон.

– Иди, сынок. Сейчас соберу чемодан и позову тебя обедать.

– Да, мама.

Джон вернулся в свою комнату и, прикрыв дверь, завалился на кровать. Невеселые думы одолевали его. Что ж ему так не везет? Джон стал вспоминать неудачи последних дней.

Знакомство с малышкой Би – это раз. Другая неудача – драка с Пацильери. И, наконец, эта нелепая командировка. Что, если он так и сгинет неизвестно где, как это уже произошло с другими сопровождающими? А ведь после смерти отца он – единственная опора матери.

«Нет, ну Глория, ты только подумай... Шериф сказал, они держались за руки и еще она сопровождала Тони до клиники... Предательница».

Джон вспомнил, как он ради Глории отказался от настойчивых приглашений Кэти Смоукер, которая жила десятью этажами ниже. Когда-то они с Кэти учились в одной школе, правда, она была на два класса моложе.

Теперь Кэти преподавала музыку, миссис Саблина просто обожала ее и всячески старалась свести с ней Джона.

«От Кэти я отказался сам, а Глория бросила меня ради инвалида Пацильери, и если теперь я погибну, то... Стоп!»

Джон встряхнулся и, поднявшись с кровати, подошел к зеркалу. Все, никаких самокопаний. Джон пригладил ладонью волосы, вышел из комнаты и стал обуваться.

– Ты куда, сынок? Сейчас обедать будем, – проговорила миссис Саблина.

– Пойду спущусь к Кэти, мам, – сказал Джон, зная, что матери будет приятно это услышать.

– Конечно, зайди, Джон, – обрадованно поддержала его мать. – Кэти такая интересная девушка. Такая благородная – музыкой занимается.

«И музыкой тоже», – мысленно усмехнулся Джон и выскочил за дверь.

Старенький лифт со скрипом раздвинул створки на нужном этаже, и Джон подошел к двери, носившей на себе следы времени – несколько почти неразличимых, затертых надписей.

Какие-то из этих слов писал и сам Джон, но как же давно это было...

Из-за двери неслись тоскливые звуки терзаемой скрипки, а значит, Кэти была дома.

Джон нажал кнопку звонка, скрипка перестала рыдать. Затем послышались шаги и щелкнул замок.

– Саблин?! – искренне удивилась Кэти. Удивилась и обрадовалась одновременно – это было заметно. – Ты чего пришел?

Впрочем, как человек искушенный, Кэти по глазам Джона поняла, зачем он явился.

– Но у меня сейчас ученик, Джон. Это не совсем удобно...

– Я подожду.

– Ну заходи, – сказала Кэти. Она посторонилась, пропуская его, и прокричала в глубь квартиры: – Роби! Почему ты остановился?! Играй!

И снова раздались заунывные звуки.

В большой комнате, куда Джон вошел следом за Кэти, перед складным пианино стоял полный мальчик лет девяти и с выражением крайнего страдания на лице переписывал смычком скрипку.

– До-до-до ре-ми-и ре-до, ми-ре-до! – неожиданно громко пропела Кэти, мгновенно превращаясь из обольстительницы в безжалостного преподавателя. – Смотри в ноты, Роби! Смотри в ноты!

– Я смотрю, мисс Смоукер!

– Ты не смотришь, Роби. И прошу тебя, следи за размерностью! Сколько можно мучить эту пьесу, я тебя спрашиваю!

Мальчишка снова заиграл песенку из трех нот, однако ухитрился не попадать ни на одну из них даже случайно.

– Следи за размерностью, Роби. Раз-и, два-и, раз-и, два-и! Работай внимательно, а я отойду в другую комнату, покажу мистеру Саблину нотные сборники.

Роби, ничего не говоря, проводил мрачным взглядом учительницу и ее гостя, которые скрылись в соседней комнате.

Оставшись наедине с Джоном, Кэти снова превратилась в мягкую пушистую кошечку.

– Почему так срочно, мистер Саблин? – спросила она, снимая кофточку.

– Завтра я уезжаю в командировку.

– Тогда ясно, – Кэти улыбнулась. – Ты извини, все снимать я не буду и ложиться тоже некогда. Ничего?

– Ничего, – сразу согласился Джон. Кэти выглядела просто замечательно, и ему подумалось, что знакомство с Глорией было ошибкой.

Свидание продолжалось не более десяти минут, потом они начали торопливо одеваться.

– Тебе понравилось? – спросила Кэти.

– Да. А тебе?

– Ну конечно, Джон. Я ведь столько о тебе мечтала... – Она потянулась к Джону и чмокнула его в щеку.

Они вышли к Роби, который тоскливо добивал пьесу. Заметив, что учительница и ее дружок вернулись, мальчишка прервал пикировку и, посмотрев на Джона, сказал:

– А я знаю, что вы там делали!

– И... что же? – отважился спросить тот.

– Трахались! – радостно проорал мальчуган. Джон даже отшатнулся от такой наглости. В свое время он не позволял себе подобных высказываний по адресу взрослых, что бы он там ни заметил.

– Да как ты смеешь! – начал было Джон, но Роби отмахнулся от него, словно от мухи.

– Да ладно вам, мистер, вы же ничем не рискуете. Вот когда я застал с мисс Смоукер своего папашу, это да, это была настоящая коммерческая удача.

– Перестань лгать, противный мальчишка! – взвизгнула Кэти и размахнулась, чтобы врезать Роби по толстой физиономии, но Джон удержал ее руку.

Роби, однако, не так-то просто было смутить. Он с пониманием взглянул на учительницу и заговорил снова:

– Ежедневно пять кредитов на карманные расходы, электромобиль, духовое ружье и еще масса полезных вещей и самых лучших игрушек. Это продолжалось полгода, а потом предки разбежались, и больше папаша не видит смысла платить мне. Говорит, что я малолетний шантажист. И вообще – не политкорректен.

Кэти проводила Джона до двери и, виноватыми глазами посмотрев на него, пробормотала, мол, пусть не обращает внимания на болтовню мальчишки.

– Все нормально, – заверил ее Джон и даже поцеловал. – Я еще приду к тебе, когда вернусь из командировки.

На этом они и расстались.

Глава 6

На следующий день, в девять часов утра, Джон Саблин уже стоял под дверями расчетного отдела, держа в руке старый потертый чемодан.

Девушки, служащие отдела, проходя мимо, хихикали, косясь на чемодан, и то и дело выходили покурить, несмотря на ранний час.

Наконец пришел нужный Джону чиновник и переписал его на другую ставку. Теперь напротив фамилии Саблина была выведена новая сумма месячного жалования, более чем в пять раз превышавшая прежнюю, – тридцать три тысячи кредитов.

«Ну что же, – подумал Джон. – Может, это и к лучшему? Если протянуть на такой работе месяца три, можно будет переехать с мамой в другой район».

Впрочем, он тут же вспомнил про Кэти и решил, что пока повременит с переездом. А там видно будет.

Получив уведомление о переводе всего месячного жалования на банковский счет, Джон вышел во двор заводоуправления и стал ждать машину, которая должна была отвезти его в порт.

Во дворе было шумно, неподалеку возле складов сновали погрузчики, перевозя узлы будущих боевых машин с многоосных автотрейлеров на платформы.

– Вот такое дерьмо происходит, – неожиданно пророкотал рядом чей-то бас. Джон обернулся и увидел детину с перебитым носом, который, как и Джон, смотрел на погрузчики и курил сигарету с тетрафилом.

– Что, простите? – переспросил Джон.

– Не поверишь, братан, пришел в отдел кадров узнать про работу, а мне сказали, что ее перехватил какой-то сукин сын.

– Да что вы говорите? – дрогнувшим голосом посочувствовал Джон.

– Точно тебе говорю. – Незнакомец угрюмо кивнул и огляделся. – Я так понимаю, он должен быть где-то здесь. Увижу – считай, он сразу труп. Тридцать штук мимо кармана, такого я не прощаю. Не видел тут никого вроде меня?

– Нет, сэр, вроде вас никого не видел, – честно признался Джон.

– Мне сказали, он мастер нан-кай-до. – Покусывая потухший окурочек сигареты, незнакомец недобро усмехнулся. – Хотел бы я посмотреть, какой такой мастер сравнится с Джоном Саблиным.

Джон судорожно сглотнул. У него больше не оставалось сомнений, что перед ним тот самый Джон Саблин, за которого его приняли по ошибке. Еще не поздно было во всем признаться, однако тогда его упекут в заводскую тюрьму неизвестно на какой срок. Да и тридцать три тысячи кредитов не помешают в дальнейшей жизни.

«Но что я буду делать, когда подойдет микроавтобус?» – подумал Джон, и в этот момент увидел злосчастный транспорт, который выруливал из-за сбившихся в кучу трейлеров.

– Слушай, я пойду отолю, а ты посматривай, – пророкотал однофамилец. – Если заметишь крепкого парня вроде меня, проследи, куда он пойдет!

– Конечно, сэр, – заверил его Джон, растянув губы в вымученной улыбке.

Детина ушел, и тут очень кстати подъехал микроавтобус.

– Это вы Джон Саблин? – спросил, высунувшись из окошка, водитель.

– Да-да, я! – Джон торопливо обежал машину и забрался на сиденье рядом с шофером. – Поехали!

– Одну минуту, сэр, я только схожу за пончиками.

– Никаких пончиков! – переходя на фальцет, воскликнул Джон, припомнив лицо другого Саблина.

– Да спешить-то некуда, отправление через четыре часа, а нам ехать минут сорок, – попытался объяснить удивленный водитель, однако пассажир, судя по всему, был не склонен шутить. Распахнув выдавший виды кожаный чемодан и разворошив белье, он выхватил огромный пистолет и, наставив его на водителя, потребовал:

– Немедленно в порт!

– Воля ваша, сэр! Кто бы спорил! – испуганно проговорил водитель. – У меня весь аппетит отшибло! – добавил он совершенно искренне и резко тронул машину с места.

Джон тут же опустил пистолет, а когда они выехали за ворота, спрятал его обратно в чемодан.

– Вы уж извините меня, работа собачья, оттого и нервы, случается, не выдерживают, – попробовал оправдаться Джон, которому стало совестно за свое поведение, однако водитель только опасливо на него покосился и продолжал гнать микроавтобус, лавируя между машинами и почти не обращая внимания на светофоры.

Чтобы не смущать его, Джон стал глазеть в окно, пытаясь настроиться на грустно-лирический лад по поводу отъезда в неизвестность, однако картина залитого утренним солнцем города не располагала к грусти, и Джон поймал себя на том, что рассматривает ноги молоденьких девушек.

Когда микроавтобус оказался за городом, Джон сделал еще одну попытку оправдаться перед шофером, предложил тому оплатить пончики в каком-нибудь придорожном кафе, однако водитель опять отказался, сказав, что ему не хочется ни есть, ни пить.

Вскоре они прибыли в порт, и машину сразу пропустили на территорию взлетных площадок. Повсюду стояли огромные грузовые корабли, но Джон знал, что самые большие грузовики-гиганты находятся на орбитах и никогда не спускаются в атмосферу из-за огромного веса и относительной слабости энергетических установок.

То там, то тут стартовали и приземлялись новые суда, и оттого шум висел над портом непроницаемым покрывалом.

После непродолжительного путешествия по размеченным транспортным дорожкам микроавтобус остановился возле темно-синего с голубой полосой на борту шаттла, на котором была изображена эмблема «Хубер Текнолоджис».

– Все, прибыли, – с явным облегчением объявил водитель и указал на спускавшегося по трапу пилота. – Теперь все дела вы ведете с ним, сэр.

– Конечно, – подтвердил Джон, не зная, что еще сказать. И вышел из кабины.

Глава 7

Резво подскочив к Джону, пилот в чине лейтенанта подхватил его чемодан и, указав на трап, произнес:

– Прошу вас, сэр. Механики уже на борту. Как только приедет казначей, можно будет подниматься на орбиту.

– Но у нас же много свободного времени, – заметил Джон.

– Как скажете, сэр. Если вам удобнее подождать здесь, мы так и сделаем.

– Я подумаю, – сказал Джон, слегка удивленный столь почтительным обхождением. Он-то полагал, что сопровождающие грузов – это что-то вроде охранников.

Внутри шаттла его ожидал еще один сюрприз. Салон судна оказался представительского класса, повсюду были бежевая кожа и натуральное дерево.

При появлении Джона трое механиков в безупречных коричневых мундирах поднялись и представились.

Их звали Боун, Шланг и Фогель. Или как-то иначе, Джон не разобрал и решил уточнить позже.

– Казначейский броневик уже в пути, сэр! – сообщил все тот же лейтенант, появившись через минуту. Джон хотел спросить, куда тот подевал чемодан, но решил, что это лишнее. Никуда его чемодан не денется.

– Очень хорошо, – кивнул он и осторожно присел в кожаное кресло. Только после этого сели и три механика.

– Откуда здесь можно позвонить? – спросил Джон, чтобы как-то занять время.

– На столе, сэр, – указал один из механиков, кажется, Боун.

– Ах, вот оно что, – покачал головой Джон, оценив дизайн аппарата связи, стилизованного под резную шкатулку.

«Куда же позвонить? Маме? – размышлял он. – Нет, маме не стоит. Она только беспокоиться начнет. Во! Позвоню-ка я Клоду».

Джон набрал номер и сразу услышал знакомый голос:

– Даву слушает.

– Привет, инженер-конструктор Даву! – бодро приветствовал приятеля Джон.

– Джон?! – удивился Клод. – Откуда ты звонишь? Из тюрьмы?

– С чего это вдруг, дружище? – Джон самодовольно хохотнул. – Успокойся, со мной все в порядке, просто подвернулась срочная работенка, и администрация попросила меня помочь.

– Ты не пьян, Джон? – подозрительно спросил Клод.

– Нет, не пьян. Кстати, Глория снова встречается с Тони, но у меня уже другая девчонка, ее зовут Кэти.

– Поздравляю, – все еще с недоверием в голосе произнес Даву.

– Ну пока, через месяц надеюсь вернуться и тогда все расскажу, а пока извини, мне нужно встретиться с казначеем.

Довольный собой, Джон положил трубку на место и улыбнулся. Механики подобострастно улыбнулись в ответ.

– Казначейский броневик прибыл, сэр! – сообщил пилот. – Разрешить представителю подняться на борт?

– Конечно, я его жду, – кивнул Джон, хотя понятия не имел, зачем ему встречаться с представителем казначейства.

Через некоторое время в коридоре слышались шаги, а затем в салоне появился высокий человек в черной одежде. В правой руке он держал небольшой, такой же черный, как он сам, чемоданчик, пристегнутый к запястью стальной цепочкой.

– Обер-кассир специального финансового отдела Рудолф Гугенхайм, – представился человек в черном.

– Очень приятно, – с достоинством ответил Джон. – Присаживайтесь. – Он указал на соседнее кресло, однако Гугенхайм покачал головой и, кивнув на небольшую дверку в глубине салона, сказал:

– Лучше пойдете туда, сэр.

– Как скажете. – Джон улыбнулся обер-кассиру, как лучшему другу, и, поднявшись, пошел за ним следом.

За дверкой оказалась небольшая VIP-каюта, и это стало для Джона еще одним сюрпризом.

Гугенхайм отстегнул от запястья цепочку и, положив чемоданчик на стол, щелкнул потайными замочками. Крышка отскочила, и Джон едва не ахнул. В разделенной надвое полости чемодана лежали наличные деньги – в одной половине примарские империалы, а в другой – урайские дархамы.

– Сколько же их здесь? – не удержался он.

– Как обычно – по двести тысяч тех и других.

– По двести тысяч, – повторил Джон. – По текущему курсу это больше двух миллионов англйзонских кредитов.

– Два миллиона сто сорок тысяч двести пятьдесят восемь, – уточнил кассир.

– Что же мне делать с этой кучей денег? Я ведь лечу в первый раз и еще не знаю всех тонкостей.

Гугенхайму показалось, что он ослышался. Обер-кассир внимательно посмотрел в лицо сопровождающему, ожидая, что тот признается, что пошутил, однако шутками здесь и не пахло.

– Сэр... – В горле Гугенхайма запершило, и он откашлялся. – Простите, сэр. Уверен, что вы просто подзабыли инструкции.

– Да, подзабыл, – тупо кивнул Джон.

– Эти деньги предназначены для откупа в случае нападения примарских или урайских штурмовых групп. Считается, что они берут деньги и оставляют судно в покое.

– Считается? А на самом деле?

– А на самом деле, сэр, если вы покажете им деньги, у вас не будет ни одного шанса выжить. Свидетелей они не оставляют.

– Но что же тогда мне делать с этими деньгами? Может, лучше оставить их у вас? – спросил Джон, отодвигаясь от такого опасного богатства.

– Оставить деньги в казначействе я не могу, сэр. Это будет нарушением инструкции, отдел обязан снабдить сопровождающего наличными средствами. Просто спрячьте их в своей каюте, а по возвращении отдадите обратно – только и всего.

– Хорошо, – вздохнул Джон. – Я должен где-то расписаться?

– Да, сэр. Вот здесь и здесь, – указал Гугенхайм, подавая Джону разноцветные бланки. – Благодарю вас. Теперь позвольте я помогу вам пристегнуть чемоданчик к запястью. Согласно инструкции, вы можете снять его, только оказавшись в своей каюте. Ну и открыть тоже. Комбинацию замка я вам также сообщу.

Глава 8

Перед прибытием шаттла с механиками и сопровождающим грузы капитан-пилот состыковал друг с другом все четыре транспортных судна, чтобы можно было проинспектировать весь груз, не выходя за борт.

– Желаете осмотреть груз немедленно, сэр? – обратился капитан к Джону, как только тот оказался на головном корабле-локомотиве.

– Да, конечно, вот только заброшу в каюту свои вещи.

– Ваш чемодан уже в каюте, сэр, – доложил капитан. – Вот разве что это... – Он показал глазами на кейс с наличностью.

– И это тоже. Пожалуйста, проводите меня.

– А что делать нам, сэр? – спросил бригадир механиков Боун.

– Вы тоже, если необходимо, можете заглянуть в свои каюты, но затем возвращайтесь сюда, – распорядился Джон.

– Слушаюсь, сэр, – щелкнул каблуками Боун. Двое других повторили это движение.

Джон, чувствуя себя не в своей тарелке, поспешил за капитаном. Тот передвигался по знакомому судну очень быстро, Джон все время отставал и временами терял его из виду, однако в конце концов они встретились возле двери, за которой, без сомнения, и находилась каюта сопровождающего грузы.

– Прошу вас, сэр. Это лучшие апартаменты на судне, – торжественно произнес капитан, указывая на дверь.

– Если вас не затруднит, капитан, откройте дверь сами, – попросил запыхавшийся Джон.

– Это невозможно по двум причинам, сэр. Во-первых, запрещено инструкцией, а во-вторых, дверь открывается только с помощью кода, который известен лишь сопровождающему грузы. То есть вам.

– А если я забыл? – осторожно спросил Джон. – Что по этому поводу говорит ваша инструкция?

– Такую ситуацию инструкция просто исключает, – ответил капитан и с некоторым напряжением покосился на странного сопровождающего.

Джон хотел сказать что-то еще, но все мысли покинули его. Как же так? Эти идиоты так спешили, что забыли сказать ему код! А может, говорили, но он забыл?

«Нет, не говорили», – заключил Джон, припомнив все эпизоды общения с ответственными лицами. Он подошел к двери и приподнял защитную крышку наборной панели.

«Глория» – написал он первое пришедшее на ум слово, а затем, вспомнив недавнюю обиду, добавил – «дура».

Электронный замок щелкнул и открылся.

Еще не веря, что все получилось, Джон обернулся и посмотрел на капитана. Тот с облегчением улыбался.

– Честное слово, сэр, я уж думал, ЧП! А вы просто пошутили, да?

– Да, пошутил, – ответил Джон и шагнул в каюту. Вошедший следом капитан заботливо включил освещение, так что Джон смог сразу оценить удобства своего нового жилища. Конечно, трудно было ожидать, что на грузовом корабле окажется VIP-каюта, но зато она была намного просторнее гостиной небольшой квартирки, в которой они жили с мамой.

– Теперь, сэр, согласно инструкции я могу вам представиться. Помимо того что я капитан-пилот этого конвоя, меня зовут Альберт Кесслер.

– Очень приятно, мистер Кесслер. Но где же мой чемодан с личными вещами?

– Сейчас его моют, сэр.

– Зачем? – удивился Саблин.

– Согласно инструкции.

– Понятно. Вы наверняка в курсе, что у меня в кейсе, капитан?

– Деньги, сэр. Могу порекомендовать несколько потайных мест, где их никто не найдет.

Правда, это будет нарушением инструкции. Наличность положено хранить вот в этом стенном сейфе. – Капитан указал на живописный календарь, просроченный еще два года назад. – Если набрать на алфавитной панели тот же код, что и на двери, сейф откроется.

«Глория дура», – тут же вспомнил Джон.

– Хорошо, капитан Кесслер. Покажите мне другие места, а уж я потом сам решу, куда мне деть наличность.

– Конечно, сэр, – кивнул Кесслер. – Итак, место номер один – под кроватью. Место номер два – под матрасом, и место номер три – под шкафом.

– Все?

– Все, сэр. Можно еще воспользоваться душем или галюном, однако там бывает сыро.

– Понятно. Что еще, согласно инструкции, вы должны мне сообщить?

– О своих подозрениях, сэр.

– Сообщайте, – разрешил Саблин, удобно усаживаясь на небольшой диван.

– Корабельный механик Цандлер в прошлом занимался разведением собак, не имея на то соответствующей лицензии.

– Я приму это к сведению, капитан. Что еще?

– Боцман Душивер очень любит деньги. Не раз заявлял об этом публично.

«Я больше этого не вынесу», – подумал Джон. Однако капитан уже исчерпал все свои подозрения и стоял молча.

– Будьте добры, Кесслер, подождите меня в коридоре. Я сейчас выйду.

Капитан кивнул и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Глава 9

Не придумав ничего лучше, Джон запихнул кейс с наличными под шкаф и вышел к Кесслеру.

– Под шкаф спрятали, сэр? – спросил тот.

– Нет, – соврал Джон и захлопнул дверь.

И снова капитан повел его путаным маршрутом. Джону даже казалось, что тот намеренно сбивает его с толку, чтобы он чувствовал себя зависимым.

Всех трех механиков они застали на прежнем месте. Завидев начальство, те быстро поднялись с корточек и попрятали карты в карманы.

– Готовы? – спросил их Джон.

Механики ответили утвердительно.

– Где документы, капитан Кесслер?

– Они у меня.

– Давайте их сюда и показывайте дорогу в грузовые трюмы.

Лишь оказавшись среди стеллажей с установленными на них боевыми машинами, Джон Саблин почувствовал себя на своем месте и принялся без усталости носиться из трюма в трюм, тщательно проверяя маркировку узлов.

Проверять комплектацию двигателей было уже поздно, однако все наружные системы Джон инспектировал с особым пристрастием.

Как он и подозревал, случаи небрежной сборки попадались довольно часто. Производство на Бронтзее росло быстрыми темпами, а потому в сборочные бригады зачастую набирали людей случайных. Им было непонятно, почему нельзя устанавливать на танк пушку только потому, что на ней другая маркировка. Рабочим платили сдельно, а потому они были заинтересованы выдать за смену как можно больше машин.

Теперь все это выходило боком, и хотя бы внешние огрехи надо было исправить.

Наконец, через два с половиной часа, Джон составил перечень всех недостатков, обнаруженных почти на двух сотнях машин.

К тому времени капитан уже давно сбежал, сославшись на служебную необходимость, а механики едва таскали ноги – шутка ли, на четырех транспортах находилось пятьсот урайских «чифтеров» и триста девяносто примарских «туарегов».

– Неужели, сэр, вы надеетесь найти замену всем этим узлам? – с сомнением спросил бригадир механиков Боун. – Ну, гусеничные траки, катки или трансмиссионные подвески ладно, мы их просто переставим с машины на машину, но две пушки на «туарегах» – их заменить нечем. Как же быть?

– Возьмете амальгаму и затрете маркировку совсем. Пусть лучше не будет никакой, чем урайская на примарском танке.

– Да-а, – не слишком радостно протянул старший, а его подчиненные лишь уныло кивнули. Новый сопровождающий не бил механикам морды, однако сразу нашел им работу. И это означало, что ни о какой игре в карты не могло быть и речи.

Глава 10

В двенадцати часах хода от планеты Саймарк, между двумя передвижными доками, торчал нос легкого крейсера «Команданте Нагель». Вот уже трое суток он имитировал срочный ремонт судовых установок, чтобы выследить корабль, доставлявший в Равновесный мир новые наркотики из Урайи.

Это была не полицейская акция. Объединение трех планет, так называемый Треугольник, которому принадлежал крейсер, само занималось поставками дурмана, однако с появлением новых наркотиков дела прежнего монополиста шли все хуже.

Новоявленные дилеры получали больше прибыли и начинали перекупать полицейских чиновников, до этого исправно получавших второе жалованье из рук революционеров-наркотроговцев из Треугольника.

Когда бонзам разбойничьего гнезда стало ясно, что они проигрывают, было решено начать жесткую борьбу с конкурентами. У Треугольника имелся свой собственный, небольшой, но закаленный в боях с превосходящими силами флот, перед которым и была поставлена задача – уничтожать поставщиков новых наркотиков повсюду, где только возможно.

И началась настоящая война – на воде, на суше, в воздухе и в космосе. Противники сжигали склады друг друга, уничтожали дилеров, подрывали грузовые трейлеры и проводили широкие рекламные кампании, доказывая вредность товаров, поставляемых на рынок конкурентами.

Поначалу новые наркотики завоевывали Равновесный мир очень быстро, однако контрдействия Треугольника и вовлечение в этот процесс урайских и примарских спецслужб замедлили интервенцию новых наркотиков, а в некоторых местах старый дурман стал возвращаться на рынки.

Всю работу по поиску и определению сроков поставки зелья выполняли шпионы воюющих государств, разумеется, выдавая только поставщиков противной стороны. Хотя в самой Урайе, да и в Примарской империи за наркоторговлю сажали в тюрьму, их деятельность на территориях Равновесного мира считалась полезной. Ведь в обратном направлении поступали деньги, а лишние средства, как бы они ни зарабатывались, воюющим державам были просто необходимы.

– Интересно, сколько же мы будем здесь сидеть? – широко зевнув, произнес камрад-лейтенант Палецки, ни к кому не обращаясь. В его ведении была артиллерия правого борта, которая вот уже три недели не имела работы.

Четыре дня назад при подходе к Саймарку локаторами «Команданте Нагеля» был опознан челнок вражеских дилеров. Но тогда с ним разделался камрад-лейтенант Вайкуннен, а Палецки ничего не досталось.

– Пушки уже пылью покрылись, – сказал лейтенант и пошевелил пальцами босых ног. Когда судно стояло в доках с отключенными энергетическими установками, электричества на комфортные условия не хватало. Приходилось мириться с жарой, духотой и вообще с плохим настроением.

– Внимание – цель! – сообщили с поста РЛС.

– Внимание – цель! – продублировал Палецки своим артиллеристам. Однако тут же последовала команда «отбой». Оказалось, что это рейдер пограничной полиции с планеты Саймарк. Он проходил здесь каждые сутки, и всякий раз капитану рейдера переводили на секретный счет по три тысячи кредитов. Безусловно, деньги это были небольшие, однако главные пограничные начальники, которым платили поставщики новых наркотиков, со своими подчиненными не делились. Поэтому капитаны этих судов вели свой собственный бизнес, взимая плату за то, что «не замечают» стоящий в готовности крейсер.

– Отбой, ребята, – передал лейтенант и снова пошевелил пальцами ног.

– Внимание – цель! – закричали на посту РЛС.

– Цель! – продублировал лейтенант, впрочем, не очень доверяя этому сообщению. Он ждал, что вот-вот последует отмена, однако вместо этого пришла подтверждающая команда.

– Цель подтверждена! Боевая тревога! Правому борту приготовиться! – Это был голос начальника боевой части крейсера камрад-майора Клузвика.

– Цель подтверждена! – радостно прокричал лейтенант, представляя, как засуетились его подчиненные.

Под потолком мигнули и загорелись ярче осветительные панели. Это означало, что двигатели судна выходят на режим тяги.

На контрольной панели перед камрад-лейтенантом Палецки стали загораться желтые лампочки, сообщавшие о состоянии зарядных батарей. Скоро все двенадцать указывали на готовность к залпу.

– Правый борт готов полным! – сообщил Палецки, быстро надевая носки.

– Принято, правый борт, – отозвался начальник БЧ.

Палецки закончил с носками и начал надевать ботинки.

Когда он с этим справился, на экранах расчетных устройств появилась вся информация о приближавшейся цели.

Небольшой тысячетонный сухогруз со спрятанными под обтекателями пушками и с форсированными судовыми установками. Этот корабль мог обратить в бегство небольшой отряд полицейских судов, однако противопоставить крейсеру ему было нечего.

Искать уязвимые места на корпусе потенциальной жертвы не было необходимости – пушки крейсера имели достаточно мощности, чтобы распороть борт сухогруза. Лейтенант Палецки выбрал автоматическое нацеливание и стал ждать дальнейших указаний командира. Камрад-майор Клузвик мог отдать приказ Палецки, а мог нажать кнопку сам.

На этот раз Клузвик лично распорядился огневой мощью крейсера, и лучи, полыхнув в темноте, унеслись к далекой цели.

Через несколько секунд собранная радаром и обработанная компьютерами информация уже подавалась на экраны.

Стрельба была проведена безупречно, и повторных залпов не требовалось. Сухогруз разваливался на части, попутно теряя распотрошенные контейнеры.

Можно было не сомневаться, что груз на десятки миллиардов кредитов потерян конкурентами безвозвратно.

Глава 11

Где-то в стороне от заявленных коммерческих трасс, возле одной из многочисленных космических свалок, сигнал погибавшего сухогруза перехватила станция примаров.

– Принимаю отчетливый сигнал бедствия, сэр, – сообщил дежурный оператор, и старший агент поднялся к нему на пост. В руке он держал кружку.

Прихлебывая горячий чай, старший с минуту глядел на список целей, график движения которых был передан Треугольнику.

Судя по всему, одно из самых больших судов-курьеров было перехвачено этими сумасшедшими революционерами.

Следовало признать, что по части охоты и тайного перехвата эти ребята были на высоте и, если получали верную информацию, курьера не пропускали.

– Свяжись с «сигмой». Узнай, видят ли они сухогруз. Если не видят, вычеркивай его из списка.

– Есть, сэр.

Старший агент присел на неудобный металлический стул и, отвлекшись от того, что происходило в душной операторской, задумался о борьбе за рынок сбыта для собственных наркодельцов.

Старший агент многое повидал в своей жизни и спокойно относился к тому, от чего другие плакали, но эта затея с наркотиками ему не нравилась. Будь его воля, он бы одинаково безжалостно жег всех курьеров – урайских и примарских.

– Что? – переспросил он, не расслышав слова оператора.

– Я говорю, сэр, что можно вычеркивать этот сухогруз. «Сигма» его тоже не видит.

– Вычеркивай.

В другом районе на похожей космической свалке пряталась разведывательная станция урайцев. И они тоже узнали об уничтожении большого курьера.

– А вот это неприятно, – сказал человек в толстом свитере, потягивая из кружки горячее какао. – Я-то был уверен, что нам удалось провести примаров.

– Ничего, сэр, мы отыграемся на военных поставках, – заверил оператор. – Десять часов назад с заводов Хубера был отправлен очередной конвой с танками. Как обычно, половину груза доставят на резервные склады Урайи, а другую половину потащат примарам.

– С чего ты взял, что на этот раз их решили перехватить?

– Эту информацию затребовал Оперативный отдел УРУ. А они просто так вопросов не задают.

– Да, тут ты прав, – согласился человек в свитере. Он присел на небольшой откидывающийся стул. Оперативный отдел, конечно, затевал новую войну, ведь по негласному соглашению обе стороны пока что не трогали поставки из Равновесного мира. Теперь же все могло сильно измениться, и следовало к этому готовиться.

Глава 12

Ночью на джунгли обрушился настоящий тропический ливень. Пару часов казалось, будто еще немного – и по воздуху поплывут рыбы. В образовавшихся по всему лесу мутных ручьях проносились смытые с деревьев змеи и ящерицы. Скрывавшиеся в листве птицы недовольно ворчали, и только ядовитые жабы-белянки блаженно жмурили глазки, намертво вцепившись в древесную кору когтистыми лапками.

Дождь прекратился перед самым рассветом, а небо прояснилось только с первыми лучами солнца.

Генерала Ника Ламберта разбудили до общего подъема, хотя никто особенно и не спал – повстанцы отлично знали здешние места и могли атаковать в любую погоду и в любое время суток.

– Сэр, уже половина шестого, – тронув генерала за плечо, негромко произнес Бакстер. Здесь, на Вольтере, одной из тыловых планет Примарской империи, он был единственным сопровождавшим Ламберта «корсаром». Остальные солдаты и офицеры корпуса относились к легкой авангардной пехоте. Этот корпус был одним из последних детищ генерала Ламберта. Медленно, но верно он увеличивал численность своего железного легиона, в который входили наемники и добровольцы из Равновесного мира.

– Спасибо, Бакстер, – хрипло произнес Ник и, откашлявшись, поднялся с походной кровати. По раз и навсегда усвоенной привычке он спал в полной амуниции, лишь слегка отпустив ременные крепления и сняв шлем. Война с повстанцами диктовала свои условия, и генерал Ламберт подчинялся им беспрекословно.

– Что нового? – спросил он, глядя в подслеповатое окошко отяжелевшей от сырости палатки.

– Ночью «духи» снова пробирались в лагерь, сэр. Счет четыре – один в нашу пользу.

– Кто у нас?

– Молодой Хелик Уайт, которого недавно перевели в разведку.

– Я помню, – кивнул Ламберт, быстро раздеваясь донага. Это был один из специфических ритуалов, диктуемых губительным климатом экваториальных тропиков, – комплект одноразового белья надевался утром, а не перед сном.

На загорелом, словно отлитом из бронзы теле генерала белыми кляксами тут и там выделялись шрамы от полученных ранений. Их набирался не один десяток, больших и маленьких. Это было неудивительно, ведь, несмотря на свой возраст, генерал Ламберт провел на этой войне больше двенадцати лет и никогда не отсиживался в штабах.

Солдаты его любили, поскольку он их берег и отказывался выполнять приказы, если видел, что они не дадут ничего, кроме огромных потерь.

Однажды его неуступчивость привела к большому скандалу. Это случилось, когда, еще будучи полковником, Ламберт отказался выполнить распоряжение военачальника, являвшегося сыном – страшно подумать – одного из министров Центрального правительства Примарской империи.

Любой другой офицер почел бы за счастье прогнуться перед таким сановитым штабистом и положить ради этого тысячи своих солдат, но только не Ник Ламберт.

Чтобы наказать «строптивного выскочку, притом даже не примара», министр Центрального правительства вызвал к себе на аудиенцию начальника штаба фронта и самого бунтовщика, «этого неотесанного „корсара“».

Играя в объективность, министр попросил начальника штаба дать экспертную оценку приказанию, которое отдал министерский сын, и несчастный штабист пролопотал что-то про безупречный анализ и инициативность министерского чада.

– И что же вы скажете на это, господин полковник? – скривив рот, словно отведал кислого, спросил Ламберта высокий чиновник.

– Только то, сэр, что вы вольны распоряжаться судьбами штабных теоретиков, однако человека с фронта вам не запугать. Почему вы не вызвали командира дивизии, генерала Ганзена? Он бы рассказал вам все как оно есть.

– Не вам, полковник, учить меня, что и как делать. Вы еще слишком молоды, чтобы указывать верховным политикам, людям, обогатившим многолетним опытом и надлежащими знаниями. Я могу одним движением мизинца отправить вас в отставку, и поедете вы тогда в свой Рав-но-вес-ный мир. – Министр так и произнес это слово – по слогам, с презрительнейшей интонацией. – Что вы на это скажете?

– А что я могу сказать, сэр? – Ламберт пожал плечами. – Вы можете отправить меня в отставку и лишиться хорошего офицера, на котором держится все добровольческое движение из Равновесного мира, а также большая часть лучших профессионалов-наемников.

– То есть вы, полковник, считаете, что ваша личность важнее для Примарской империи, чем личность министра Центрального правительства? – ядовито спросил министр, косясь на штабиста, который выглядел так, будто вот-вот грохнется в обморок.

– Да, сэр. Именно так я и считаю, – начал злиться Ламберт. – Вам в затылок дышат десятки людей, которые немедленно займут ваше кресло, как только появится такая возможность, а вот занять мое место пока не спешит никто.

Сразу после этого разговора министр приложил все усилия, чтобы Ламберта убрали из армии. Все необходимые подписи под этим требованием были собраны, и документ отправился в Управление Службы имперской безопасности.

Однако эта контора в силу своей специфики взглянула на возможное удаление Ника Ламберта из армии совершенно под другим углом. Полковник был носителем секретной информации и в случае возвращения в Равновесный мир мог попасться на глаза урайским вербовщикам. Безусловно, за много лет службы в примарской армии он привык сохранять ей верность, однако обида тоже являлась достаточным мотивом для принятия решений. Не исключалось, что Ламберт мог дать урайцам свое согласие, чтобы отомстить за отставку.

Первым и самым быстрым выходом из положения была ликвидация, однако тут в ситуацию вмешался референт аналитического отдела Управления генерал Фонтен. Долгое время их с Ламбертом связывали деловые и почти приятельские отношения, и именно кураторство над Ником Ламбертом во многом способствовало продвижению Фонтена по карьерной лестнице.

Фонтен пришел к директору СИБ и, положив на стол бумагу с рекомендацией об увольнении полковника Ламберта, спросил, просчитал ли кто-то дальнейшее развитие событий.

– В чем дело, Люк? – развел руками адмирал Гринго. – Ваш протеже попал в переplet? Адмирал был хорошим специалистом, но иногда казался себе сверхпроницательным.

– Я хотел бы знать, сэр, почему этот документ не прошел экспертной оценки.

– Ну, наверное, потому что здесь и так все ясно. – Гринго улыбнулся Фонтену, как улыбается учитель, желая поощрить любознательного ученика. – Но если вы настаиваете, можете сделать вашу оценку прямо сейчас, на то вы и референт отдела. Только попрошу – покороче, у меня много других дел.

– Конечно, сэр, – сразу согласился Люк. Он опасался, что Гринго не захочет его слушать.

– Так вот, сэр. Полковник Ламберт – личность легендарная, и его знает каждый выходец из Равновесного мира. А их сейчас в нашей армии почти двадцать миллионов – наемников и добровольцев. Кроме того, в непосредственном подчинении Ламберта сто пятьдесят тысяч солдат элитных войск. Помимо них – авиационные соединения, небольшие бронетанковые группы.

Каждый наемник сейчас знает, что у их любимого полковника Ламберта проблемы с каким-то поганцем из штаба. Как поведут себя эти люди в случае отставки и тем более лик-

видации Ламберта, можно только догадываться. Не исключено, что нам придется ликвидировать еще несколько тысяч или десятков тысяч хорошо тренированных солдат. Представьте себе бунт полутора тысяч «корсаров», сэр, – это уже не игрушки. Кого прикажете посылать на их ликвидацию? «Корсаров»-примаров? А где гарантия, что они выполнят приказ? Вы же знаете, эти парни очень несговорчивы. Ну и последнее, сэр. Было бы просто свинством так отплатить человеку, который уничтожил урайские прииски «черных кристаллов». Одно это отбросило урайцев на несколько лет.

– Ладно-ладно, – поднял руки, словно сдаваясь, адмирал Гринго. – Вы меня убедили, Фонтен. Теперь нужно убедить всех этих господ, которые жаждут увидеть пенсионное предписание Ника Ламберта.

– Я уже думал об этом, сэр.

– Он думал, – вздохнул Гринго. – Это приятно слышать, Люк. Ну и к какому же вы пришли выводу?

– Ламберта необходимо спрятать. Отправить подальше от фронта – на борьбу с повстанцами. Дело это долгое, к тому же все, кто был там до Ламберта, потерпели поражение. Война с партизанами – это как путешествие в муравейник.

– Хорошо, а этим деятелям из правительства мы скажем, что сослали дерзкого полковника в дикую провинцию, поскольку для боевого офицера это намного унижительнее, чем пенсия.

– Только не нужно сообщать об этом Ламберту в той же форме, – попросил Фонтен.

– Ну конечно, Люк, вы у нас умница, а Гринго – пень, – рассердился адмирал. – Конечно, Ламберту ничего не скажут. Мало того, если ему будет сопутствовать успех в деле очищения планет от повстанцев, я походатайствую, чтобы полковник получил звезду генерала.

Так Ламберту досталось очередное задание, и он оказался на новом театре военных действий.

Ник сам выбрал планету, на которой подрывная деятельность урайских агентов только разворачивалась. Это была Лидия-Пента с единственным населенным материком. Интересы Империи на этом материке, который назывался Новый Раушвиц, представлял пятидесятитысячный гарнизон, однако по ночам примарские солдаты прятались в крепостях и власть в городах и поселках переходила в руки повстанцев. Население Нового Раушвица поддерживало сепаратистскую армию и охотно ее снабжало, тем более что фуражиры повстанцев платили за товар и продукты полновесной монетой.

Понимая, что победить такую хорошо организованную армию очень нелегко, Ламберт решил начать с удара по снабжению и моральной поддержке противника.

Внимательно изучая обстановку, он выяснил, что в местности, где проживает все население материка, климат сырой и нездоровый, там часто идут дожди и висят туманы, в то время как всего в нескольких десятках километров – за проливом, простираются солнечные территории, правда, напрочь лишенные пресной воды.

Пользуясь предоставленными ему полномочиями, Ламберт затребовал средства на благоустройство безводных пространств и за несколько месяцев сумел перевезти на новое место жительства около полумиллиона жителей материка.

С собой разрешалось брать только одежду и документы. Все остальное уничтожалось санитарными командами. Что могло гореть – поджигалось, остальное взрывалось, и таким образом повстанческая армия лишалась возможности использовать для своих целей брошенные города.

На новом месте переселенцам выдавались субсидии на обустройство хозяйства, и большинству жизнь в солнечных районах понравилась.

Так население материка Новый Раушвиц перестало быть мобилизационным резервом для повстанцев.

После этого корпус полковника Ламберта приступил к тотальному уничтожению тридцатитысячной группировки армии сепаратистов, воевавшей за отделение Лидии-Пенты от Примарской империи. Повстанцы больше не могли прятаться за спинами гражданского населения, а вместо комфортных условий проживания получили сложенные из торфа хижины и подстилки из мха.

Разведка полковника Ламберта работала в лесах и даже с орбиты Лидии-Пенты, а бомбардировщики делали свое дело четко и без задержек.

К невыносимым условиям, которые создал сепаратистам Ламберт, добавилась и потеря верных сторонников, которые считали повстанцев героями-освободителями. Бывшие обитатели туманных долин жили теперь в сухих коттеджных поселках, а их недавние кумиры гнили среди болот.

Через месяц с небольшим остатки лесной армии сдались, выдав урайских координаторов и кассу армии, содержащую почти десять миллионов в урайской и примарской валюте.

Пленных полковник передал по инстанциям, а кассу оставил себе. На эти деньги у него были свои виды.

Верный слову, директор СИБ ходатайствовал перед военным руководством, и ему не посмели отказать. Ник стал однозвездным генералом и одновременно с этим получил предписание очистить от повстанцев планету Вольтер.

Глава 13

Обстановка на Вольтере сильно отличалась от той, что была на Лидии-Пенте. Урайские агенты работали здесь давно и весьма успешно. Искусно играя на недовольстве населения высокими военными налогами, агенты УРУ не по дням, а по часам умножали ряды партизан, и местная армия располагала самыми разными системами вооружения. Случалось, они сбивали с орбит имперские спутники.

Во время высадки корпуса новоиспеченного генерала Ламберта на военной базе возле столичного города Пойзен его пригороды были атакованы частями повстанцев. Гарнизон Пойзена едва справлялся с обороной, и Ламберт вызвал с орбиты эскадрильи штурмовиков, работавшие в непревзойденной манере тотального истребления. Они успешно загнали противника в близлежащие леса. Столь чувствительные удары с воздуха оказались для повстанцев сюрпризом.

Долгое время росту сепаратистских сил в глубоких тылах Империи не уделялось должного внимания, и за этот период под руководством профессиональных урайских инструкторов обычные лесные разбойники превратились в регулярную армию.

Впрочем, даже зная об этой силе, появившейся в лесах Вольтера, военные руководители по-прежнему сосредоточивали свое внимание исключительно на фронтах, ведь только внешняя война приносила им ордена и чины, борьбу же с внутренним противником они считали чем-то вроде мытья посуды.

В результате к тому моменту, когда политическое руководство осознало серьезность положения, на Вольтере и ряде других планет требовались уже не полицейские, а самые настоящие фронтовые операции.

Но и это уже не спасало ситуацию. На территориях, где их поддерживало население, партизаны воевали весьма успешно, а при необходимости прятались в экваториальных джунглях. Хорошо приспособленные к парниковым условиям тропического леса, повстанцы совершали неожиданные рейды и быстро уходили от разморенных жарой пехотинцев.

Таким образом, к моменту появления на Вольтере генерала Ламберта ситуация там зашла в тупик.

Отбив первое нападение на город, Ламберт приступил к подготовке действий в новых условиях. Население Вольтера составляло почти двести миллионов. Нечего было даже и думать о том, чтобы переселить столько народа, как это было сделано на Лидии, к тому же горожане были значительно лояльнее к властям, чем жители сельских районов.

От этого Ламберт и решил отталкиваться. Началась долгая подготовительная работа. За это время созданный генералом штаб проанализировал десятки тысяч снимков, сделанных из космоса, выявляя наиболее освоенные сепаратистами районы.

Вскоре были определены основные признаки этих мест. Все они без исключения находились вдали от городов и маскировались под скопления сельскохозяйственных кооперативов и фермерских товариществ. Впрочем, проживавшие в этих районах люди относились к сельскому хозяйству весьма прохладно. Приглашенные эксперты-агротехники даже по снимкам из космоса сумели определить, что тамошние поля и плантации практически заброшены, а работы, которые на них проводятся, – чистая имитация.

В этом не было ничего удивительного, ведь укрытые в лесах поселки существовали на щедрые жертвования урайских покровителей и так называемые фермеры, игравшие роль прикрытия, жили припеваючи, почти не работая.

Глава 14

Лишь спустя три месяца после высадки на военной базе генерал Ламберт решил, что пора выдвигаться в джунгли. За это время ему удалось не только собрать информацию, но и сколотить несколько «тропических батальонов». В них вошли специалисты по борьбе с партизанами, не понаслышке знавшие о войне в сырых, кишасших ядовитыми гадами лесах.

Для обмундирования своей лесной армии генерал заказал доспехи с климатическими функциями. Сам Ник Ламберт тоже часто использовал подобную амуницию, когда ему вместе с его «корсарами» доводилось воевать в сходных условиях.

Авангардной пехоте надо было подобрать что-то полегче, но с этой задачей удалось справиться, так что ко времени высадки для захвата плацдарма солдаты Ламберта были полностью экипированы.

Несмотря на предварительную артиллерийскую и авиационную обработку предполагаемого района высадки, повстанцы дали непрошеным гостям двухсуточный бой. Сорок восемь часов подряд они появлялись, казалось, из ниоткуда и беспрерывно атаковали наспех оборудованные позиции пехотинцев.

Иногда, особенно в ночное время, они так близко подбирались к разбитым транспортам, из-за которых солдаты Ламберта вели огонь, что тем приходилось контратаковать и в рукопашном бою отбрасывать противника; несмотря на хорошую организацию, повстанцам все же не «хватало пороха», который имелся у переходивших в штыковой бой ветеранов.

К исходу второй ночи, под утро, видимо исчерпав свои людские резервы, партизанские соединения отошли, а еще через несколько часов на отвоеванном, заваленном телами плацдарме начали садиться новые транспорты с пехотой и вооружением.

Обратно они вывозили раненых и трупы, очень много трупов. Из четырех высадившихся первыми батальонов теперь едва набирался один, но и это было подлинным чудом, ведь непрерывный бой длился беспрецедентно долго.

Генерал Ламберт воевал наравне со своими солдатами и сам поднимал поредевшие батальоны в контратаку, наводя на противников страх своим ростом и изощренной техникой боя, свойственной только «корсарам».

«МС», спеллер, гранаты, нож. Ламберт вламывался в ряды врагов, словно танк, и шансы уцелеть оставались только у тех, кто успевал убежать.

После того первого боя прошло больше двух месяцев, и войска генерала Ламберта сумели добиться определенных результатов, а главное – выработать новые методы антипартизанской войны.

Как и в операциях на Лидии-Пенте, на Вольтере необходимо было отсечь лесных боевиков от источников снабжения и лагерей отдыха. Какими бы они ни были закаленными героями, больше двух недель непрерывных маршей в этих губительных джунглях не выдерживал никто.

Им требовалось не только отдыхать, что было нелегко устроить, поскольку в лесу водилась уйма насекомых, но и просушивать тело – пару дней походить без одежды, потому что иначе кожа покрывалась огромными волдырями и сходила, словно сбрасываемая змеей кожа.

Свое наступление корпус генерала Ламберта начал с уничтожения фальшивых ферм и сельскохозяйственных артелей. Предварительно в разных направлениях рассылались разведчики, которые должны были распространять слухи о скорой бомбардировке того или иного населенного пункта.

Это объяснялось проводящимися против сепаратистов военными операциями.

Поначалу местные относились к подобным слухам недоверчиво, но в положенный час поселки действительно накрывались авиационными ударами – генерал Ламберт не склонен был шутить.

Люди стали уходить из проблемных районов сплошным потоком, устремляясь в регионы, где имперские войска уже установили свой контроль.

И снова происходило то же, что и на туманном материке Лидии-Пенты: крупные соединения партизан, их лесные базы и склады – все подвергалось жесточайшим ударам с воздуха и с орбит Вольтера.

Бойцы генерала Ламберта воевали по строгому сменному расписанию и по окончании недельных боев возвращались на пригородные базы, где отдыхали в течение следующей недели. Партизанам же приходилось постоянно перемещаться, чтобы не попасть под удары авиации. Если они начинали дробиться на мелкие группы, джунгли поглощали их без остатка, скармливая болотным кайманам, саблезубым кабанам, варанам и множеству других обитателей тропического леса, ведущих непрерывную борьбу за существование.

Глава 15

Нацепив поверх доспехов сетчатую тропическую робу, Ламберт вышел из палатки и хозяйским взглядом окинул территорию временного лагеря.

Было еще совсем рано, но повсюду уже царило оживление: солдаты батальона готовились к очередному нелегкому дню. Несмотря на ночной ливень, разведка сумела обнаружить один из опорных пунктов, причем всего в нескольких километрах от их лагеря.

Сообщалось о капитальных строениях, которые размещались глубоко под землей. Это казалось Ламберту важным, так как все прежние тайные базы сепаратистов представляли собой только наземные постройки, которые обнаруживались технической разведкой с воздуха даже сквозь лиственный покров.

Заметив генерала Ламберта, к нему подбежал командир батальона майор Смарт Катаоми:

– Сэр, разведка доложила...

– Я в курсе, – перебил его Ник. – Они уже вернулись?

– Нет, вернуться не могут – слишком мало осталось сил. Настаивать я не стал.

– И правильно. Они понадобятся нам как наводчики, – сказал генерал, хотя понимал, что скорее всего разведчики до подхода батальона не доживут. Джунгли высасывали из людей жизнь с поражающей быстротой, и человек, еще час назад бодро шагавший по высокой траве, вдруг приседал отдохнуть, бледнел и начинал задыхаться.

Батальонный врач капитан Ходрилл утверждал, что это приступы какой-то неведомой формы аллергии. Проверить его предположения было невозможно, поскольку вскрытие погибших в городском госпитале не давало никаких результатов.

– Что думаешь об этих бункерах, Смарт? – спросил генерал, на правах земляка называя майора по имени – оба они были с планеты Бронтзее.

– Я думаю, это их центральная структура, сэр, – ответил Катаоми, прослеживая направление взгляда командира. Генерал смотрел на двух солдат, которые несли на маскировочном плаще солдата, погибшего в ночной схватке с партизанскими разведчиками.

«Молодой Хелик Уайт», – сказал Бакстер, бессменный сопровождающий Ламберта на протяжении последних трех лет. Он был всего лишь сержантом, но в бою никто не спрашивал о званиях, и в двухсуточной схватке сержант не отставал от Ника ни на шаг.

– Кажется, это кто-то из разведчиков, – заметил Катаоми.

– Хелик Уайт, мне Бакстер сказал.

– Бакстер? И когда он все успевает... Он спит когда-нибудь?

– Не знаю, – честно признался Ламберт. – Я ни разу не видел.

Тело разведчика положили возле «покойницкой», длинной палатки, где ждали своего транспорта погибшие, которых удалось разыскать. Другие пропадали без следа.

– Найди адрес родственников этого парня, нужно отправить им деньги.

– Конечно, сэр, – с готовностью отозвался майор. Это было правило, введенное лично Ламбертом, – поддержка родственников погибших солдат из особого фонда, который образовывался благодаря захвату штабных касс противника.

Поначалу Ламберта пытались проверять имперские контролирующие органы, однако после исчезновения нескольких ревизоров проверки прекратились. На наемников махнули рукой, ведь воевали они хорошо и в грабежах населения никогда замечены не были.

Солдаты снова подошли к лежавшему на земле Хелику и, подняв его, занесли в «покойницкую». Ник представил себе этот ночной бой, когда две разведки встретились под проливным дождем на ножах. Короткая схватка и итог: четыре – один.

«А значит, наши лучше», – в который раз отметил он.

Высоко в небе прошла пара штурмовиков. Примеряясь к новой местности, они готовились поддержать выдвижение батальона.

– Сэр, вас спрашивает майор Кац! – обратился к Ламберту выбежавший из связной палатки лейтенант.

– Слушаю тебя, Поль! – отозвался Ламберт, прижимая к уху переговорное устройство.

– Десять минут назад мой лагерь был атакован, сэр! Силами до двух взводов. Нападение мы отбили, но в трех километрах к северу обнаружена еще одна группа, до трехсот человек. Разведчики сообщили, что группа рассеялась, чтобы не попасть под огонь авиации.

– Разрешаю тебе не выдвигаться, Поль. Занимайся этой группой.

– Но они этого и добиваются, сэр!

– Я знаю, чего они добиваются. Однако если ты попытаешься прорваться, положишь свой батальон.

– Да, сэр.

– Не беспокойся, мы справимся и без тебя.

На этом разговор был окончен. Ник еще раз окинул взглядом лагерь и в который раз пожалел, что придется покинуть обжитую территорию. Одних только риппиентов было выслано на эту землю тонн пять, не меньше. Иначе бы здесь по колено росла трава и в ней размножались ядовитые улитки и слизни-вампиры. А так каждый день проводилась обработка, и эту присыпку выдерживала только невысокая зеленая травка, жесткая как проволока.

Говорили, будто двадцать лет после обработки риппиентами на этом месте не росли деревья, но Ламберта это совсем не занимало. У него были другие задачи, он стремился сохранить людей, а в джунглях сделать это было не так легко, уж слишком часто здесь попадались мертвые зоны – те самые, что так быстро высасывали из людей жизнь. Обнаружить их никак не удавалось, потому что все было как обычно – и деревья, и лианы, и бутоны водянистых хризантем. Зеленые гусеницы готовили коконы, и муравьи сновали в траве. Вот только крупные животные в таких местах не попадались. Даже змеи и те избегали нехороших полянок с сочной зеленью.

Именно там разведчиков порой одолевала сонливость, и они присаживались передохнуть. Присаживались и больше не вставали, а если их находили, то бывало, что и по частям. Там – руки, здесь – ноги. И тонкие разрезы, будто на хирургических автоматах. Ламберту эти следы напомнили работу сторожевых сетей – они тоже резали плоть почти так же чисто, но все же не настолько.

– Инопланетяне, Ник, – говорил Бакстер, когда они оставались с генералом один на один.

– Это уже неважно, – отвечал ему Ламберт. – Что бы это ни было, мы должны научиться обходить гиблые зоны.

Когда солнце поднялось над верхушками деревьев, в лагерь прибыли два транспорта. Первый доставил смену для трех взводов, а второй – продукты, боеприпасы и пару разведывательных роботов «катчерс».

Ник с сомнением осматривал привезенные машины и почти не слушал трепотню майора, расхваливавшего эти тонконогие существа из стали и биопластика.

Огромные ячеистые оптические приемники делали «катчерсов» похожими на насекомых. Они и двигались очень похоже, порой замирая с поднятой ногой и продолжая движение в момент, когда от них этого не ждешь.

Вопреки первоначальным ожиданиям, машины Нику понравились. Особенно он отметил их полную бесшумность – все прежде известные ему шагающие аппараты издавали жужжание приводящих механизмов. «Катчерсы» же, по словам сопровождавшего их майора, были выполнены по жидкостной схеме.

«Только гидравлика, сэр, и минимум зубчатых сцеплений», – сказал он, и Ламберт ему поверил. Разведчикам следовало оставаться бесшумными, а глаза и уши были для них важнее пулемета. Генералу приходилось видеть машины, пушки которых с одного выстрела сносили

двухэтажный дом, однако об их приближении узнавали за пару километров – они слишком шумели и выделяли много тепла.

Оптическая маскировка «катчерсов» была достаточно совершенной и очень достоверно имитировала цвета и рисунок окружающей среды.

– И, что самое главное, машины незаметны даже ночью, – добавил майор, одетый совсем не для тропиков. Он поминутно вытирал со лба пот и пучил глаза, словно вынырнувший из воды купальщик.

– А куда же они сбрасывают утилизированное тепло? В опоры? – поинтересовался Ник.

– Нет, сэр, если сбрасывать в опоры, на земле будет оставаться цепочка следов, отчетливо видимая в прицелы ночного видения. У нас же полная утилизация – термоэлектрические пары.

– Это что-то новое, – вынужден был признать генерал.

– Безусловно, сэр, – заулыбался пропотевший майор. – Прорыв в военных технологиях.

В этот момент совсем недалеко прогремело несколько взрывов. Это наносила свои удары штурмовая авиация, которую наводил на цели майор Кац.

Пока шел осмотр роботов-разведчиков, один из транспортов наполнялся телами погибших. Их набралось почти пятьдесят – и это всего за одну неделю. В другой грузили снятые палатки, аппаратуру стационарной связи, платформу с турельными пушками и излишки боекомплекта.

– Ну хорошо, майор.

– Майор-инженер Ружечка, сэр! – вытянулся тот.

– Да, Ружечка, внешне машины мне понравились, и я надеюсь, что они именно такие, какими вы мне их представили.

«Такие, такие!» – хотелось крикнуть майору-инженеру, который был непосредственным создателем этих чудо-машин, однако перебивать старшего он не посмел. Уже одно то, что прославленный генерал Ламберт согласился осмотреть роботов, было большой удачей, а чтобы он еще и согласился их попробовать – об этом Ружечка даже не мечтал.

– Пришла пора познакомить меня с пилотами, – сказал генерал, хотя уже не сомневался, что это женщины. Размер «катчерсов» был явно не мужской.

– Конечно, сэр! Конечно! – обрадовался майор Ружечка. – Выходите, девочки! Можно передохнуть!

И сейчас же корпуса «катчерсов» будто раскололись надвое, и Ламберт внутренне содрогнулся – он знал, что кабины в таких машинах тесные, но чтобы настолько...

Пилоты, которые оттуда выбрались, вряд ли весили больше сорока килограммов, а рост их не превышал полутора метров.

– Лейтенанты Гольдфарб и Синеккия! – с интонациями провинциального конферансье объявил Ружечка, и обе девушки кивнули генералу, а он шагнул им навстречу и осторожно пожал сухие ладошки.

Пилоты с интересом смотрели на огромного генерала Ламберта, и Ник отметил, что, несмотря на изможденный вид, глаза лейтенантов Гольдфарб и Синеккия светятся энергией. Это были настоящие бойцы с нашивками за ранения. На лице Гольдфарб были заметны следы пересадки кожи, а у лейтенанта Синеккия на правой руке отсутствовали папиллярные узоры. И если поначалу генерал, как всякий командир, опасался за порядок в лагере из-за появления женщин, то теперь беспокойство покинуло его. Женщинами этих двух лейтенантов назвать было трудно, это были какие-то бесполое существа – призраки тысячелетней войны.

Глава 16

В эту ночь, впрочем, как и всю последнюю неделю, Перси Авелиан спал очень плохо. Да и какой может быть сон, если генерал Ламберт подбирается все ближе? Непонятным образом узнавая нужное направление, он шел от базы к базе и захватывал имущество, которое являлось неприкосновенным запасом сепаратистов на черный день. И вот наступил этот день, но как-то слишком неожиданно и совсем не так, как предполагал Перси Авелиан.

Он готовился к большой фронтовой операции со стационарными гарнизонами в джунглях, с бронетанковыми колоннами и торговлей заложниками. Такой сценарий был давно написан и должен был растянуться на десятилетия.

Когда с Лидии-Пенты пришло сообщение о том, что высадившиеся на планете имперские силы ведут себя как-то странно, Перси не придал этому особого значения, но затем коллеги с Лидии завывали в голос. Их стали гонять по болотам и истреблять словно бешеных коберов.

Скоро Лидия-Пента была потеряна.

По этому поводу Перси, его советник полковник Конвей и входившие в Совет видные деятели сопротивления собрались на чрезвычайное совещание. Возможность высказаться была предоставлена каждому, однако, как сказал позже полковник Конвей, «это была трепотня старых баб». Участники Совета наперебой уверяли друг друга, что всем известный полковник Ламберт выберет следующей целью Марон или Гагаушу, ведь по развитости освободительного движения они как раз находились на уровне Лидии-Пенты. Однако Ламберт, прибывший на Вольтер уже в генеральских погонах, решил не мелочиться. Он не скрывал намерения лишить организацию головы.

В дверь постучали.

– Войдите! – разрешил Перси, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более жизнерадостно. Еще вчера на митинге, собранном в подземном складе, он обещал «камрадам» раздавить генерала Ламберта, «этого грязного наймита примарского империализма», на подходе к главной базе. Поэтому и сегодня следовало соответствовать боевому настрою.

Впрочем, соответствовать оказалось необязательно, поскольку вошел полковник Конвей, военный инструктор, присланный на Вольтер Урайским разведывательным управлением.

– Что-то ты бледный, Перси. Давно не выходил из бункера?

– Давно, – подтвердил Авелиан. – Но я не боюсь, ты не думай.

– Я не думаю, – отмахнулся полковник и, пододвинув стул, присел. Затем посмотрел на тусклую лампочку, которая из последних сил оборонялась от наступавшей из сырых углов темноты.

– Электричество поступает от аккумуляторов. Генераторы я приказал временно остановить, чтобы не демаскировать себя шумом.

– Понятно. – Полковник немного помолчал, затем достал из кармана смятый клочок бумаги, испещренный мелкими буквами гелиопринта. – Вот, из отдела «В» прислали ответ на наш запрос по поводу Ламберта.

– Они не очень-то спешили, – криво усмехнулся Авелиан. – Что там написано?

– Сам не желаешь прочитать?

– Не желаю. – С этими словами Авелиан открыл потайной ящичек и достал фляжку коньяка и две рюмочки.

– Стоит ли сейчас пить, Перси? – Полковник неодобрительно посмотрел на коллегу. Авелиан не ответил, быстро наполнил рюмки, и полковник не отказался от своей порции. Они выпили, Перси кивнул Конвею, мол, читай.

– Я это уже наизусть выучил. Ник Ламберт родом из Равновесного мира, с планеты Бронтзее. После окончания летного училища был вывезен агентами УРУ. Считается, что он получил доступ к какой-то секретной информации.

– Вот как? – Авелиан налил еще по одной.

– Да. Всех подробностей здесь не дали, и нам остается только гадать. Во время одного из боевых столкновений Ламберт попал к примарам. Затем, после школы «корсаров», началось его восхождение. Специальные операции, рейды, абордажные бои...

Из того, что рассказал полковник, Перси сделал только один вывод – Ламберт не оставит их в покое, пока не передушит всех до одного. Был шанс уничтожить его во время первой высадки, но кто же знал, что его солдаты такие крепкие. Вся опушка была завалена трупами повстанцев, однако солдаты Ламберта выстояли, хотя несколько раз Перси казалось, что дело сделано.

– Если тебе интересно, батальон майора Каца так и остался в своем лагере. Ребята Кришпера заперли его возле оврага.

– Значит, у нас появился еще один шанс разделаться с Ламбертом?

– Шанс не шанс, но драться с одним батальоном проще, чем с двумя. К тому же вокруг мертвые зоны и, если нам повезет, до бункеров доберется не больше половины этого батальона.

– Давай выпьем еще, – предложил Перси, и на этот раз полковник не возражал.

– Но как ты думаешь... – Авелиан выдохнул коньячные пары и посмотрел рюмку на свет, – как ты думаешь, почему Ламберт так уверенно выходит на все наши базы, поселки. Может, среди нас шпионы?

– Это едва ли. Шпиону нужно как-то передавать информацию, а здесь, в джунглях, это не так просто. Все люди друг у друга на виду, к тому же генерал Ламберт два месяца сидел в Пойзене, подготавливая операцию. Если бы у него была информация от шпиона, такой долгой подготовки не потребовалось бы. Думается, все намного проще. Нас подвели фермеры.

– Фермеры?

– Да. Пять лет назад, когда мы только строили нашу организацию, они гнули спины на полях, облизывая каждый кустик, а потом ты стал платить им столько, что они перестали зависеть от своего урожая и наплевали на поля. Вспомни, сколько раз мы уговаривали их хотя бы пару раз в неделю выгонять трактора. Их угодыя превратились в плантации сорняков.

– Так ты думаешь, во всем виноваты эти ожиревшие твари?

– Да, они виноваты, но и мы тоже – слишком много им платили.

– И стоило примарам сделать несколько снимков с орбиты, – развил мысль Перси, – как у них на руках оказались все районы сосредоточения повстанческих сил.

– Совершенно верно.

Где-то на поверхности прогремел взрыв – достаточно далеко, километрах в пяти, однако его звук отразился в пустотах подземелья, а стоявший на полочке специальный прибор застрекотал и выписал затухающую кривую. За первым взрывом последовал второй, потом третий.

– Кришпера утюжат, – заметил полковник.

– Кришпер опытный командир, он не даст себя в обиду.

В коридоре послышались шаги, Перси быстро спрятал коньяк. Для камрадов по сопротивлению они с полковником были своими ребятами, не признававшими ничего, кроме местной кукурузной водки.

Дверь распахнулась без стука – это было в правилах фермерской армии.

– Камрад Авелиан! – воскликнул один из стихийных командиров, «капитан» Уралан. – Мои люди видели солдат генерала Ламберта на подступах к Горячим Ямам!

– Это очень хорошо, камрад Уралан. – Перси вышел из-за стола и, приблизившись к народному командиру, пожал ему руку. – Это ведь плохие места, и, значит, нам лучше пока не пугать врагов, а то они найдут более безопасную дорогу.

– О да, камрад Авелиан, – согласился Уралан и, почесав затылок, невольно продемонстрировал Перси часы «Доре», штучную модель из белого золота и с настоящей механикой. Такая игрушка стоила не менее тридцати тысяч империалов, годового жалованья хорошего инженера.

– Так, значит, мы не стреляем, камрад Авелиан, ждем, пока их пожрут синие человечки?

– Да, Уралан, давай подождем. Может быть, нам вообще не придется стрелять.

– Хорошо бы, – вздохнул народный командир и, не прощаясь, направился к выходу. Затем неожиданно остановился и с гордой улыбкой показал свои «Доре». – Часы, камрад Авелиан!

– О! – учтиво закивал Перси. – Какая замечательная вещица!

Довольный Уралан покинул апартаменты Авелиана, и его тяжелые шаги затихли в коридоре.

– Дикари, – с удрученной миной произнес полковник, поднимаясь со своего места. – Часы носят словно бусы, верят в синих человечков, которые режут людей светящимися струнами.

– Многие утверждают, будто лично видели эти существа в джунглях, – задумчиво произнес Перси.

– Это не аргумент. Когда я был мальчишкой, наш сосед по лестничной клетке неоднократно рассказывал мне о путешествиях в другие миры. Его рассказы мне очень нравились, они были такими яркими. Вот только держаться от него я старался подальше, поскольку от парня постоянно воняло то моющей жидкостью, то средством от блох. Думаю, он использовал подобную дрянь как топливо для путешествия в свои миры.

– Возможно. Но знаешь... Я хочу показать тебе одну вещь, – неожиданно сказал Авелиан. – Думаю, что теперь уже можно.

С этими словами он подошел к шкафу с книгами и, навалившись на него сбоку, сдвинул в сторону. На освободившейся стене показался деревянный щит, прикрывавший неглубокую нишу.

– Вот уж не думал, что у тебя здесь какие-то секреты, – удивился Конвей.

– Да, секреты, – стряхивая с одежды пыль, согласился Перси. – Секреты по политическим мотивам.

С этими словами он убрал закрывавший нишу щит, и то, что увидел полковник, заставило его на минуту потерять дар речи.

Это было хорошо сохранившееся тело неизвестного существа без признаков половой принадлежности; небольшой рост, не более ста двадцати сантиметров, давал повод принять его за неудачного детеныша лесной гориллы. Впрочем, отсутствие волос и синий цвет кожи не позволяли утверждать это наверняка.

Голова была довольно крупной, ножки короткими, а руки доставали до колен. Тем не менее создавалось впечатление, что это существо при жизни было развито в полной мере, и его большие фасеточные глаза как будто еще хранили осмысленное выражение.

– Обрати внимание вот на эти следы, – Конвей показал на рубцы, оставшиеся на плечах неизвестного существа. – Похоже, до самой смерти он таскал на себе какое-то снаряжение – вроде ранца.

– А где этот ранец? – задал полковник идиотский вопрос.

– Думаю, его унесли остальные... э-э... синие человечки. А захватить с собой труп уже не успели.

– Откуда он у тебя?

– Пепе принес. Пепе Корзун, помнишь его?

– Корзун? Значит, тело хранится у тебя больше четырех лет?

– Да, больше четырех лет, – согласился Перси. Наверху снова грохнула бомба, но ни он, ни полковник Конвей не обратили на это внимания. – Пепе утверждал, что видел эти существа,

и принес труп в качестве доказательства. Затем он ушел, чтобы поймать живого человечка, ну а дальше ты знаешь.

– Да, знаю. Парня пошинковали, словно развесную ветчину, при толщине среза в тридцать пять микрон. Камрад Мартильос утверждал, что внешне Пепе выглядел совершенно невредимым, но, когда его попытались поднять, он расплылся на эти прозрачные ломтики.

В коридоре послышался шум, и Перси торопливо прикрыл нишу щитом. Затем придвинул на место книжный шкаф.

– Почему ты не говорил об этом раньше? – спросил полковник.

– Потому что упоминание о синих человечках навсегда похоронило бы этот проект. Ты ведь знаешь, как в разведке относятся к подобным шуточкам.

– Да уж знаю, – согласился полковник.

Шум в коридоре усилился, и скоро в помещение вломилось человек десять камрадов.

– Они приближаются! Они приближаются, камрад Авелиан! – заголосили бойцы, перебывая друг друга.

– Стоп! – поднял руку Перси. – Говори ты, камрад Динкрафт.

– Солдаты идут прямо через Горячие Ямы, взявшись за руки и вытянувшись змейкой!

– А рядом с ними крадутся две огромные зеленые саранчи! – добавил камрад Феликс.

– Может, это роботы?

– Нет, это насекомые. Гигантские насекомые! У них большие глаза, и еще они ходят вот так. – Феликс положил винтовку на пол и, подняв одну ногу, замер в неестественной позе, затем сделал еще один шаг и снова замер на одной ноге.

– Может, это птица? – продолжал расспрашивать Перси.

– Нет, саранча.

– Хорошо. Возвращайтесь назад, а мы с полк... с камрадом Конвеем поднимемся вслед за вами.

Небритые повстанцы закивали головами и убрались, а Перси снял со стены автомат, проверил магазин и подобрал с пола разгрузочный жилет с боеприпасами, перевязочным материалом и продуктовым запасом на три дня.

– Что ты решил делать с деньгами? – неожиданно спросил полковник, наблюдая за приготовлениями Перси.

– А что я могу с ними сделать? Сжечь? А если нам повезет и мы закопаем этот батальон в джунглях, кто мне поверит, что я уничтожил их из лучших побуждений?

– Значит, пусть достанутся Ламберту?

– Если это и произойдет, нам с тобой будет уже все равно, кому они достанутся.

– И все же, тридцать пять миллионов – это огромная сумма.

– Что-то я не пойму тебя, Йорк. Ты что, предлагаешь поделить их и сбежать в джунгли? – На лице Перси появилась издевательская усмешка.

– Я не о том, Авелиан. Если эти деньги пропадут, Марон, Гагауша, Протос и Филадельфия – все они останутся без средств, ведь мы же их перевалочный банк. Эти тупые скоты-камрады не станут бороться за освобождение бесплатно, ты же знаешь.

– Хорошо, что ты предлагаешь?

– Нужно бросить жребий.

– Зачем?

– Кто-то один должен остаться здесь – с деньгами. А тот, кому не повезет, пойдет наверх. Авелиан думал недолго.

– Я согласен, – сказал он. – Давай свой жребий, он у тебя в верхнем кармане. Старый серебряный империал.

Теперь голос Перси звучал жестко, без тени дружелюбия.

Не отводя взгляда от Авелиана, полковник достал из указанного кармана монетку и, перед тем как подбросить ее, предупредил:

– Орел – наверх идешь ты, решка – я.

Перси чуть заметно кивнул, а когда монетка взвилась в воздух, выстрелил из запасного пистолета.

Конвея отбросило к стене, и он, падая, выронил свой пистолет, которым так и не успел воспользоваться. Авелиан проворно подхватил монету и, добив полковника двумя выстрелами, разжал ладонь, чтобы узнать свой жребий.

– Орел, – произнес он с улыбкой сожаления. – Ты везунчик, Йорк, наверх иду я.

Глава 17

Уже знакомая тошнотворная тишина навалилась сразу, отодвинув за глухую стену все живые звуки и выстроив перед колоннами солдат гибельный коридор, через который им предстояло пройти.

Шедшие впереди двое разведчиков закачались и, хватаясь за ветки безмолвных деревьев, начали оседать на землю.

– Руки! Протяните им руки! – приказал Ник, сам не понимая, почему он это говорит.

Солдаты подскочили к разведчикам и, взяв их за руки, стали озираться по сторонам, ожидая от генерала дополнительных указаний.

– Станьте в цепочку и возьмитесь за руки – ладонь в ладонь. Не бойтесь, пока мы здесь, на поляне, никто в нас стрелять не будет.

Спорить никто не стал, и скоро уже весь батальон двигался вперед извивавшимися змейками, а поставленные в цепочку двое разведчиков пришли в себя, и на их лица возвратился румянец.

Вместе со всеми в такой цепи шел и сам генерал, хотя тяжелый «МС» больно бил его по ногам и мешал передвигаться. Через несколько человек от командира вышагивал верный Бакстер. Ни при каких обстоятельствах он не отказывался от «корсарской» раскраски и таскал на себе полнопрофильную кирасу.

– Что делать нам, сэр? – услышал Ламберт в наушнике голос лейтенанта Гольдфарб.

– Двигаетесь параллельно первой колонне. Если почувствуете недомогание, немедленно возвращайтесь.

– И все? – удивилась Гольдфарб.

– Все, – подтвердил генерал.

– Я вижу какое-то движение! – Это была уже Синеккия.

– Что ты видишь?

– Э-э... прошу прощения, сэр, но... Когда переключаюсь с тепловидения на логическую сетку, замечаю силуэты. В промежуточном режиме.

Ник тут же высвободил руки и, вскинув «МС», настороженно огляделся. Весь батальон тотчас ошетинился стволами, высматривая среди безмолвных деревьев притаившегося врага.

Однако ничего, кроме возвращающейся тошноты и сонливости, не было замечено.

– Взяться за руки! Вперед марш!

И снова батальон двинулся вперед, давя ногами замерших лягушек и ящериц. Иногда на верхние ветки деревьев садились пролетающие мимо птицы, однако они тут же падали вниз с распахнутыми клювами и остекленевшими глазами.

– Кажется, я схожу с ума, сэр. – Это снова была Синеккия. – Силуэты нечеткие, но это похоже на детей. Да, на маленьких большеголовых детей.

Ник посмотрел в ту сторону, где должны были идти «катчерсы», и скоро заметил их. Они двигались словно лесные тени, и скорее это их можно было принять за настоящих лесных обитателей, чем какие-то призрачные силуэты.

– Ты не видишь, какие у них глаза, Синеккия?

Шедший перед генералом солдат украдкой бросил на него взгляд.

– Только силуэты, сэр. У них большие головы.

«Дело дрянь, это похоже на резекторов», – подумал Ламберт и снова огляделся. Эти твари определенно были где-то здесь, и стоит им решить, что солдаты им надоели, хлопот не оберешься.

Шесть лет назад Ламберт впервые столкнулся с этими обитателями тропических лесов, и случилось это на Эльбере. Его отряд преследовал группу урайских диверсантов, которые

были отлично подготовлены и мотали людей Ника, как малых детей. То, что преследователи не теряли след, можно было объяснить только везением.

Местный проводник-пехотинец несколько раз предлагал Нику оставить урайцев в покое, они и так сильно рискуют, забираясь в странные места с молчаливой природой. Однако Ламберт, охваченный азартом, продолжал гнать своих людей по следу.

И тогда проводник в первый раз произнес это слово: «резекторы».

– Я не знаю этих мест, и здесь пахнет резекторами, майор (тогда еще Ник был майором). Если мы не повернем назад, умрем так же, как и эти дерзкие урайцы.

– Но урайцы живы! – возразил Ник.

– Не думаю, – загадочно произнес проводник, а через семь часов, под вечер, они наткнулись на двенадцать изуродованных трупов. У некоторых тел отсутствовали руки, у других ноги или голова, а срезы были такими аккуратными, что невозможно было определить, что за страшный инструмент при этом использовался.

Ламберт не решился остаться там на ночевку, и взвод всю ночь шел в обратном направлении. Нервозность передавалась от солдата к солдату, и, когда после восхода солнца Ник решил привал, никто не смог заснуть.

Люди находились в какой-то прострации и сидели на земле с открытыми глазами, однако и это не помогло уберечься от беды. Когда Ламберт приказал идти дальше, оказалось, что половина солдат взвода мертвы и их тела разрезаны на части. Стоило до них дотронуться, как они распадались точно крепость из кубиков.

Оставшиеся в живых почти бежали еще целые сутки и, казалось, не чувствовали усталости, однако возле реки, где уже встречались автоматизированные посты слежения, Ламберт потерял еще троих солдат, включая проводника.

В расположение своих вышли только четверо, да и то один из них все же лишился кисти. Каково же было удивление Ламберта, когда через полгода он встретился с этим парнем в одном из своих подразделений – бывший калека вернулся на службу полностью восстановившимся.

«Вы не поверите, сэр, – сказал он Нику, когда они остались наедине. – Отсеченная рука отросла у меня за три месяца. Отросла, вы понимаете?»

Убедившись, что примарские пехотинцы форсируют гиблые места без потерь, с ближайшей опушки ударил пулемет.

В ответ несколько раз хлопнули гранатометы, и огневая точка была подавлена, однако шестеро солдат остались лежать в траве. Послышались команды батальонных офицеров, в том числе и командира подразделения майора Катаоми, и колонны стали рассыпаться в цепь.

Теперь, когда начинался штатный бой, Ник уже не вмешивался. Его занимала судьба роботов-разведчиков, которые ушли далеко вперед. Впрочем, вызывать пилотов по радио он не стал. Даже обмен несколькими фразами мог демаскировать эти бесшумные машины.

Короткими перебежками солдаты батальона продвигались вперед, и скоро за первыми же рядами деревьев на опушке леса произошла отчаянная схватка. Непонятно зачем, рота сепаратистов бросилась на пехотинцев врукопашную – на взгляд Ламберта это было неоправданно. Бойцы Ламберта знали о штыковых боях не понаслышке, и вскоре с группой смелых партизан было покончено. Если бы не взрыв случайно оброненной гранаты, батальон обошелся бы в этой схватке без потерь.

Когда генерал и сопровождавший его Бакстер подошли к месту недавнего боя, с Ламбертом связался майор Кац.

– Мы все еще связаны этой группой, сэр, – пожаловался командир второго батальона.

– Надеюсь, ты побеждаешь, Поль?

– Побеждаю. Но очень медленно. Эти парни очень умелые и сознательно уведут нас подальше от бункеров.

– Не беда, Поль. Твое дело разобраться с ними, похоже, это одно из лучших их подразделений.

Успокоенный Кац продолжил преследование дерзкого отряда, а первый батальон снова стал продвигаться к подземной базе.

Через двести метров пехотинцев встретил плотный огонь, который усиливался по мере продвижения батальона.

– Похоже, мы подобрались к самому логову! – заметил Бакстер, не поднимая головы от земли. Разрывные пули звонко хлопали в ветвях, и приходилось быть крайне осторожным, чтобы не нарваться на такой подарок.

Вскоре на правом фланге начался прорыв. Солдаты побежали вперед, и Ник предложил Бакстеру последовать их примеру.

– А то что ж мы тут с тобой прохлаждаемся?!

– Это небезопасно, сэр, – напомнил Бакстер, который считал себя ответственным за жизнь генерала. Впрочем, его и самого так и подмывало броситься в гущу свалки.

Выбрав направление для удара, оба «корсара» рванули вперед. В воздухе запели пули, но «корсары» уже успели залечь.

– Неплохо получилось, а, сержант?

– Да, генерал, кое-что еще можем. Прикрывай, я до той ямки пробегусь.

– Пробегись, – согласился Ник, тщательно прицеливаясь в просвет между двумя деревьями.

Как только Бакстер побежал к выбранной ямке, в прицеле генеральского «МС» появился человек. Ник плавно нажал спуск, а затем перевел огонь на кусты, в которых заметил какое-то движение.

Посыпались ветки и листья, однако падающих тел видно не было.

«Опять резекторы?»

– Давай, генерал! – позвал Бакстер.

Ник подхватил «МС» и рванулся вперед. В кустах снова задвигались силуэты, неясные из-за тени, создаваемой деревьями верхних ярусов.

«Резекторы?» – снова спросил себя Ламберт, однако Бакстер ответил на его вопросы. Он выпустил из своего «МС» несколько коротких очередей, и полдюжины партизан повалились в траву.

– Хороший ты стрелок, Бакстер, – похвалил товарища Ламберт, поправляя сползавший на лоб шлем.

– Стараемся, мой генерал.

С позиции, которую они теперь занимали, уже были видны крышки стальных люков, венчавшие бетонные полусферы.

– Давай до первой «кочки»? – предложил Ник.

– Но только я первый.

– Нет – вдвоем.

– Уговорил, – махнул рукой Бакстер. – Побежали!

Расстояние до первой «кочки» – бетонного колпака, через который можно было попасть в бункеры, – превышало «корсарский» норматив безопасности вдвое, а потому двух дерзких примаров успел взять на мушку снайпер.

Выстрели он в Ника – не миновать бы генералу смерти, однако первым снайпер поразил другую мишень – сержанта Бакстера.

Крупнокалиберная пуля ударила в сертифицированную «корсарскую» кирасу и увязла в ее слоях, однако сержант Бакстер получил такой страшный удар, что улетел обратно к кустам и потерял сознание.

Первой мыслью Ника было бежать к Бакстеру, однако он понимал, что снайпер только и ждет, когда очередная мишень выйдет из-под прикрытия бетонного колпака.

– Смарт! – позвал Ник майора Катаоми, прислушиваясь к усиливающейся перестрелке. – Смарт, ты меня слышишь?!

– Слышу! – отозвался комбат. – Хорошо, что вы живы, сэр! Нас тут прижали так, что не подняться, да и снайперы бьют!

– Сами справитесь?

– Справимся, но время нужно.

– Времени у вас сколько угодно, – успокоил майора Ник и отключил связь.

«Итак, помощи ждать неоткуда», – понял он и, осторожно вытянув руку, нащупал границы люка. Затем снял с пояса фаеркоп, взвел его и, подняв над головой, выстрелил.

Кумулятивная струя сорвала крышку люка, и та улетела далеко вперед.

Над деревьями совсем низко прошло звено штурмовиков. Это были мощные боевые машины, однако в дуэли Ника со снайпером они помочь не могли.

Между тем перестрелка пехотинцев с партизанами становилась все ожесточеннее, а батальон как будто оставался на месте. Нику подумалось, что они с Бакстером погорячились, вырвавшись слишком далеко вперед.

Решившись наконец на отчаянный бросок, он оттолкнулся ногами и, бросив перед собой тяжелый «МС», нырнул следом за ним в горловину люка.

Впереди была только темнота, и Ник, интуитивно определив, с какой стороны находится лесенка, зацепился за нее рукой – внизу мог оказаться тридцатиметровый колодец, и лететь до самого дна не хотелось.

Наверху с запозданием ударили в бетон две пули. Видимо, снайперов было двое, и они, без сомнения, уже обходили его с флангов.

«Успел», – отметил Ник и начал осторожно спускаться.

После некоторых колебаний он на короткое время включил установленный на «МС» фонарик. Оказалось, что до бетонного пола совсем близко и можно было не хвататься за лестницу, рискуя сломать себе руку.

Глава 18

Хотя вокруг было темно, Ник чувствовал себя уверенно – узкие коридоры бетонного убежища напоминали ему запутанные переходы космических судов. И легкое гудение вентиляционных коробов под потолком лабиринта только добавляло сходства.

Тут он наступил на кучу дерьма и негромко выругался. На этом сходство с судном прекращалось – за всю свою карьеру генерал не помнил, чтобы кто-то гадил в корабельных переходах.

Посветив на зловонную субстанцию, Ник отметил, что дерьмо свежее, а стало быть, дисциплина в подземном бункере стала хромать только недавно.

Ник прошел еще шагов пятьдесят, когда впереди послышался шум. Он сейчас же выключил фонарик и прижался к стене.

Торопливые шаги приближались. Шли двое, они очень спешили и переговаривались на ходу.

– А если он уже где-то здесь, Панчитто? – спросил один.

– Не пори чушь, этот парень нырнул в люк вниз головой. Все, что нам остается, – это просто добить его или убедиться, что он уже издох.

– Ах, чтоб тебя! – поскользнувшись, вскрикнул первый уже в воздухе и грохнулся на спину. – О-о-о! – исторг он новый вопль, полный боли и негодования.

– Да что ты падаешь, как старая лошадь, Куппол?!

– Я поскользнулся на дерьме, придурок!

– Ты поскользнулся на дерьме? – переспросил Панчитто и зашелся счастливым смехом. – Камрад Куппол грохнулся на собственном дерьме, вот так штука! На собственной куче подорвался! Ребята будут смеяться до коликов, Куппол! – Панчитто сложился пополам от хохота и даже выронил автомат.

– Это не моя куча, придурок! – едва не плача, воскликнул Куппол, с трудом поднимаясь с пола. – Моя куча дальше, а эта – твоя.

– У-у-у-у, – с трудом успокаиваясь, протянул Панчитто. – Ну насмешил ты меня, камрад. О-о-о-о. Не нужно было нам здесь гадить, вот и все.

– Кто же знал, что нас снова в это крыло пошлют!

Загоревшийся во тьме фонарь заставил обоих замереть. Панчитто потянулся было за автоматом, но строгий голос сказал:

– Стой! И ты тоже, положи свой автомат на пол!

– Конечно, мистер, конечно, – охотно закивал Куппол. – Не стреляйте в нас, мистер, мы мирные фермеры.

– Да-а, – запел Панчитто. – Мирные.

– Снимай давай куртку, – потребовал Ник.

– Пожалуйста, мистер, – стаскивая куртку, пролепетал Панчитто. – Конечно, мистер, если она вам понравилась. Куртка еще новая, это мне брат из города привез, потому что...

– Заткнись! Бросай сюда, только медленно!

Панчитто бросил куртку, и Ник с удовольствием вытер о нее перепачканные дерьмом ботинки.

– Кто же вас учил в проходах гадить, ребята?

– Мы больше не будем, мистер! – плачущим голосом пообещал Куппол. Оттого, что он не видел лица этого человека, ему казалось, будто он говорит с призраком.

– Где позиции снайперов? – спросил незнакомец. – Где они находятся?

– Это не снайперы, мистер, это Ливварт и Робеспьер Жабин, наши ребята! – сообщил Куппол, как будто это все объясняло.

- Я спросил, где они находятся?
- В седьмом и двадцать четвертом люке, – дополнил товарища Панчитто. – А схема бункеров находится здесь недалеко, на развилке. Там и свет есть.
- Там и свет есть, – повторил Куппол. – Проводить вас, мистер?
- Не нужно, – ответил Ник и нажал спусковой крючок.

Глава 19

До развилки он добрался быстро. Здесь действительно горела тусклая лампочка, а на стене был прикреплен щит с подробным планом подземелья. Оно оказалось одноуровневым, и это облегчило Нику задачу – он с одного раза легко запомнил все отводы.

Выяснив, что седьмой люк находится ближе всего, Ник быстро пошел в нужном направлении кратчайшей дорогой. Где-то на середине пути он наткнулся еще на одного партизана, который был крайне удивлен, обнаружив в коридоре незнакомого человека.

– Мне слышалось, кто-то стрелял, камрад, – неуверенно произнес бородатый.

– Да, я тоже слышал, – подтвердил Ник.

– Кто же это был?

– Я, – честно признался Ламберт и выстрелил еще раз.

Перешагнув через бородатого, он отправился дальше и, сделав последний поворот, вышел к лестнице седьмого люка.

Падавший через горловину свет позволил Нику различить пару новых ботинок, желтые кожаные штаны и широкий ремень. Судя по всему, это был обещанный Ливварт.

Ламберт подошел ближе и, приставив ствол «МС» к самому уязвимому месту партизана, сказал:

– Привет.

– Кто здесь? – Ливварт попытался спуститься, но Ламберт ткнул стволом посильнее, и снайпер ойкнул.

– Хочешь, чтобы я отстрелил тебе хозяйство?

– Нет, не хочу!

– Ты видишь Робеспьера?

– Жабина-то? – переспросил Ливварт и громко икнул.

– Ты знаешь другого Робеспьера?

– Я... я его вижу очень хорошо.

– Целься ему в голову, если, конечно, тебе дороги твои собственные яйца. Прицелился? –

Ник снова посильнее надавил стволом.

– Да, мистер, прицелился!

– Теперь аккуратно жми на крючок и постарайся не промахнуться.

Спустя мгновение наверху прогремел выстрел. Упавшим голосом Ливварт доложил:

– Я попал. Теперь вы не застрелите меня?

– Не застрелю, – пообещал Ник, бесшумно вытягивая «корсарский» нож.

Покончив со снайперами, он отправился дальше, намереваясь проверить помещения, обозначенные на плане подземелья как боксы «А» и «В».

Чем дальше он продвигался в глубь ответвлений, тем больше партизан ему встречалось. Их было слишком много, а потому Ник либо прятался, либо бодро проходил мимо, забросив на плечо свой «МС».

В одном месте на его оружие даже обратили внимание.

– Ну и пушка у тебя, камрад! – восхитился детина с выгоревшими волосами и веснушками на молодом лице. – Как называется?

– «Эмэс», – ответил Ник и, подойдя ближе к конопатому и его приятелю, снял оружие, чтобы те лучше его разглядели. Ламберт был готов к любым сюрпризам, однако эти фермеры не разбирались даже в знаках различия и не понимали, что перед ними враг.

В другом месте Ник столкнулся с низкорослым партизаном, который тащил на большом подносе целую гору бутербродов с ореховым маслом, сыром и ветчиной.

Заметив огромного офицера имперских войск, партизан растерянно остановился, однако Ник спокойно подошел к нему и, выбрав пару бутербродов, пояснил:

– Я люблю с ветчиной.

И он пошел своей дорогой, а удивленный сепаратист только пожал плечами, решив, что все в порядке.

Глава 20

Последний пулеметный рубеж никак не давался, и Смарт Катаоми бездарно терял людей. Пулеметы били из двух бронированных колпаков, против которых пехотные гранатометы были бессильны.

Несколько раз Катаоми пытался обойти эти позиции с флангов, но пулеметы дотягивались и туда. Майор даже поймал себя на мысли, что восхищается работой вражеских пулеметчиков. В отличие от большей части прикрывавших базу партизан, эти были, безусловно, мастерами своего дела.

«Хорошо бы взять их в плен, может, они согласились бы работать с нами», – планировал Смарт поначалу, но потери все росли, и ему ничего не оставалось, как пойти на крайние меры.

– Отвертка, ответьте Кроту! Отвертка, ответьте Кроту!

– Слушаю тебя, Крот. Проблемы?

– Проблемы, – вынужденно согласился Катаоми, глядя, как закапываются в мох его солдаты. От тяжелых пуль не спасали даже стволы деревьев, их прошивало, словно они были из картона.

– Что будем делать, ракету или «стрельбу по маяку»? – уточнил Отвертка.

– По маяку, – ответил майор, укладывая в ствол гранатомета синий цилиндр с радиопередатчиком.

– Номер маяка – первый? – поинтересовался пилот.

– Нет-нет, второй! Первый я где-то обронил! Напоминаю, Отвертка – второй, а никак не первый.

– Понял, не бойся. Подхожу к вашему району.

– Хорошо, я быстро.

Катаоми поднял штурмовую винтовку и тщательно прицелился в ближайший бронированный колпак, до которого было метров пятьдесят. На таком расстоянии применение бомб и ракет могло быть опасным для своих, а вот авиационные пушки годились вполне.

Хлопнул вышибной заряд, цилиндр с маяком прилип к колпаку. Через пять секунд генератор активизировался, и маяк стал излучать радиоволны на частоте, обговоренной как частота «номер два».

Словно почувствовав, что его песенка спета, пулеметчик в помеченном колпаке сделал перерыв в стрельбе.

А где-то на высоте в десять тысяч метров, качнув крыльями, начал пикировать тяжелый восьмипушечный штурмовик «тетрикс». Сигналы маяка устойчиво легли на его прицельные рамки, и системы наведения рассчитали темп стрельбы с наименьшими погрешностями.

Наконец компьютерные сигналы подняли механические собачки, и полторы тысячи снарядов огненным хвостом понеслись к земле.

Пилот увидел быстрое мелькание оранжевых шаров и вывел машину из пике.

Крот не отзывался, и пилот забеспокоился, уж не накрыл ли он своих.

– Отвертка, – наконец послышался голос наводчика с земли. – Все отлично, спасибо за помощь!

– На здоровье. Третий маяк будет?

– Будет, – подтвердили с земли.

– Ну, тогда я готовлюсь.

Пилот «тетрикса» прибавил двигателям тяги, и машина стала набирать высоту.

Глава 21

Надежды Перси Авелиана на стойкость его солдат не оправдались. Впрочем, удивляться было нечему – лучшие его люди под предводительством камрада Кришпера уводили от базы второй батальон имперских солдат, чтобы дать возможность спастись самому Перси.

Поначалу все шло неплохо. Едва пехотинцы вырвались из Горячих Ям, как их встретили шквальным огнем пулеметчики Зефа Шиммера, которые ежемесячно обходились казне сепаратистов в десять тысяч империалов каждый. Деньги немалые, но эти ребята того стоили. Они заставили солдат Ламберта грызть землю зубами, однако вмешательство штурмовой авиации поставило на пулеметчиках крест.

Бронированные колпаки «гнезд» разлетелись оплавившимися обломками, когда на них обрушился самый настоящий огненный водопад. Зрелище было таким эффектным, что Перси застыл на месте замороженный. Он даже не заметил, как рядом вонзился в землю острый осколок, а второй прошел стоявшего неподалеку камрада.

Почувствовав облегчение, обученные солдаты Ламберта тотчас рванулись вперед, и камрады начали беспорядочно отступать. Перси еще надеялся на двух снайперов, которых натаскивал майор Конвей. От них требовалось выбивать офицеров противника, но и они куда-то запропастились и не отвечали на позывные.

– Стой, куда бежишь?! – остановил Перси камрада, тащившего автоматический гранатомет. Его удивило, что боец бежит откуда-то с правого фланга.

– Они там! – махнул рукой гранатометчик. – Зеленая саранча! Они порезали Друда, Хафри и Чича.

– Не бойся. Они уже далеко. Видишь имперских солдат?

– Да, камрад Авелиан! – приходя в себя, кивнул гранатометчик.

– Приказываю тебе задержать их! Ты же не трус?

– Не трус, камрад Авелиан.

Над макушками деревьев с ревом пронеслись два штурмовика, и вся смелость гранатометчика моментально испарилась. Он упал на землю и закрыл голову руками.

– Стреляй, ур-род! – потребовал Перси, пинками заставляя бойца подняться. Солдаты генерала Ламберта были уже близко, и все чаще их пули вышибали искры из бетонных полусфер, обдавая Перси пыльной крошкой.

Гранатометчик поставил свое оружие на сошки и дал пристрелочную очередь.

Гранаты шипящей цепочкой пронеслись высоко над головами наступающих имперцев и разорвались в кронах деревьев, осыпав вниз целый дождь зеленых листьев и мелких веточек.

Вторая очередь легла более прицельно, разметав в куски одного из случайно подвернувшихся солдат. Остальные тотчас залегли.

– Молодец, парень! – поддержал партизана Перси и, попятившись, навскидку выпустил из автомата короткую очередь. В ответ в сторону гранатомета разрядили фаеркоп. Расстояние было слишком велико, чтобы нанести серьезный вред, однако Перси все же сбило с ног.

Падая, он крепко ударился головой и пожалел, что не захватил шлем. Совсем рядом прогремели выстрелы, а затем из-за бетонного основания десятого люка выглянул знакомый партизан.

– Скорее сюда, камрад Авелиан! – позвал он, и Перси скорее понял его по губам, чем услышал – гранатометчик за его спиной бил не останавливаясь, словно спешил поскорее израсходовать весь боезапас.

Перси метнулся к десятому люку, и в этот миг в его левую ногу как будто впилась речная оса. Перси вскрикнул, но выскочившие из-за укрытия камрады подхватили его и потащили

прочь. Их было около десяти человек и, сменяя друг друга, они довольно грамотно прикрывали отход группы.

Возле восемнадцатого люка к ним присоединилось еще тридцать человек. Напуганные стремительным наступлением имперцев, они обрадовались, получив хоть какое-то руководство.

– Камрад Авелиан, вы ранены? – сочувственно воскликнул долговязый партизан.

– Он ранен легко, – поспешил сообщить один из тащивших предводителя бойцов. Быстро достав нож, он ловко распорол Перси штанину, и тот увидел, что рана действительно не опасная – пуля прошла икру далеко от кости, и хотя крови было много, немедленная смерть Авелиану не грозила.

Рану залили дешевым ромом, а затем наложили повязку, однако едва сборная группа собралась идти дальше, как из-за ближайшей бетонной полусферы появилось непонятное существо.

«Зеленая саранча!» – пронеслось в голове Перси. Это и не походило ни на что другое – узкое, сплющенное с боков тело, вывернутые назад птичьи коленца и две верхние конечности, напоминавшие зазубренные лапки богомола.

Мгновенный бросок – и два партизана повалились наземь, рассеченные этими зелеными пилами. Кто-то успел вскинуть автомат, но тот вылетел из рук стрелка, выбитый неувловимым ударом.

Успев уничтожить еще одного сепаратиста, саранча, словно тень, исчезла за бетонным укрытием. Запоздавшие выстрелы только взрыли землю и откололи несколько кусков бетона.

– Быстрее к главному входу! – не помня себя от страха, завопил Перси, вскочил на ноги и помчался, почти не хромая, среди взрывов гранат и свиста летевших во всех направлениях пуль. Следом за ним бежало его деморализованное войско.

Последней каплей для них стало нападение неизвестного чудовища и ужасная гибель друзей-камрадов.

Возле широко распахнутых створок главного входа отступавшие сепаратисты неожиданно столкнулись с передовой группой имперских пехотинцев. Последовали торопливые выстрелы, а затем замелькали ножи, и два отряда сошлись в рукопашной схватке. Партизанам нечего было терять, они дрались отчаянно. Воспользовавшись суматохой, Перси Авелиан проскользнул вниз и, скатившись по лестнице, со стоном поднялся и захромал, придерживаясь рукой за стену.

Что ж, раз сражение проиграно, пора воспользоваться последним средством. У себя в кабинете под столом Перси устроил небольшой пульт, с которого можно было подорвать запасы топлива и арсеналы.

Однако погибать вместе с подземной базой он не собирался. Рядом с сейфом, в котором хранились тридцать пять миллионов империалов, была потайная дверь, выводившая в запасную галерею, там оставалось пробежать триста метров и можно было выбраться наверх.

Едва Перси завернул за угол, как пехотинцы покончили с сопротивлявшимися у входа повстанцами и прорвались вниз.

– Эй, сюда, я в опасности! – крикнул Перси трем партизанам, которые слышали шум, но, судя по их растерянным лицам, не понимали, что происходит.

«Чьи это мерзавцы? Урала? Расстреляю завтра же!» – возмутился Перси, не сразу вспомнив, что его власть заканчивается уже сегодня.

Эти трое услышали Авелиана и поспешили к нему на помощь, а следом за ними из темных галерей выскочили еще полтора десятка полусонных бойцов. Перси снова поразился, что эти люди делают здесь, в то время как их товарищи гибнут под пулями пехотинцев.

«Еще этот Ламберт: где же он?» – скрежеща зубами от боли, спросил себя Перси и завернул в следующую галерею. И снова вовремя – позади него тут же завязалась очередная схватка.

Партизаны по неопытности начали бросать гранаты, погибая вместе с врагами. Но это надолго затормозило продвижение противника.

– Молодцы. Герои, – прохрипел Перси и тяжело ввалился в свой кабинет, едва не споткнувшись о лежавший на полу труп полковника Конвея.

– О, Йорк, ты еще здесь?! – Перси горько рассмеялся и опустился на стул. – О, бедный Йорк. А камрады – герои. Сволочи сонные. Так получите же!

Перси сунул руку под крышку стола и нажал на кнопку, однако ничего не случилось.

– Так получите же... получите же.... – Перси давил и давил на кнопку, но она не срабатывала. Что-то нарушилось, а что – поди разбери, когда в коридорах такая потасовка.

– Ну и хрен с вами. Уйду так.

Перси, упершись руками в стол, стал подниматься, когда вдруг почувствовал, что из второй комнаты, где находились сейф и дверь в потайной ход, как будто кто-то вышел.

Он медленно обернулся и увидел огромного пехотинца, под маскировкой которого наверняка скрывались офицерские погоны. И еще ему бросилась в глаза огромная уродливая «кулеврина», похожая на станок для сверления стен, – она висела у офицера на плече и по сравнению с его размерами не казалась такой уж большой.

– Ты кто такой? – усмехнулся Перси.

– Деньги где? – словно не слыша, спросил пехотинец.

– Поцелуешь меня в задницу – скажу, – ответил Перси и засмеялся, однако его смех перешел в визг, когда громила врезал ему ботинком точно по раненой ноге. Перси чуть не задохнулся от боли и замер, ожидая, что его вот-вот пристрелят, однако, открыв глаза, обнаружил своего мучителя на том же месте и в той же непринужденной позе.

– Ну что, шутник, скажешь, где деньги, или я должен сделать тебе по-настоящему больно?

– А... а это было не по-настоящему? – осведомился Перси, осторожно скользнув рукой вдоль ремня – там, за спиной, он прятал пистолет, так пригладившийся ему в споре с Конвеем. О бедный Йорк!

– У тебя нет никаких шансов, – предупредил его офицер и шевельнул левой рукой. Только после этого Перси заметил спеллер, стрелы которого смотрели остриями ему прямо в лицо. – Вставай и покажи мне, как открывается сейф. Давай поможем друг другу.

– Ты имеешь в виду... – начал было Перси и замолчал.

– Мы оба знаем, что я имею в виду, – сказал пехотинец, и в его голосе послышалась скука.

«Должно быть, подобная ситуация у него не впервые», – подумал Перси и поднялся на ноги.

– Скажи хотя бы, кто ты.

– Я генерал Ламберт. Полагаю, в своих мыслях ты не раз мечтал встретиться со мной.

– Но при других обстоятельствах, – заметил Перси.

– Вот именно, – согласился генерал и посторонился, давая ему дорогу.

Перси прошел мимо и, оказавшись во вспомогательном помещении, неловко повернул к сейфу. Он осторожно коснулся рукой наборной панели и полуобернулся к Ламберту.

– Кнопку тоже вы испортили?

– У меня было достаточно времени.

Перси понимающе кивнул и начал набирать нужную комбинацию. Тяжелый замок шелкнул и застрекотал приводным механизмом, втягивая внутрь двери стальные запоры. Наконец прозвучал мелодичный гонг, и это означало, что доступ открыт.

– Войдете сами, генерал, или это тоже должен сделать я?

– Открывай.

Перси потянул за ручку, представляя, как шагнет внутрь и попытается использовать еще один шанс – справа за углом на полке лежал другой пистолет. В полной готовности. Он был туда положен как раз для таких случаев.

Толстая бронированная дверь открылась, внутри хранилища зажегся свет. Перси сделал еще один шаг и положил правую руку на приготовленный пистолет. Кто знает, не запылится ли его механизм? Не ослабла ли пружина?

Генерал Ламберт, казалось, и не подозревал о коварном плане Перси. Ствол его пушки смотрел вниз, а рука со спеллером была отведена в сторону.

«Три... два... один». – Перси резко повернулся, вскидывая пистолет, однако стрела спеллера оказалась проворнее.

Качнувшись от сильного толчка, Перси Авелиан выронил оружие и свалился на мешки с деньгами.

Не обращая на него никакого внимания, Ник заглянул в хранилище и остался доволен увиденным. Денег было много – десятки миллионов.

В его личных хранилищах уже скопилось около двухсот миллионов империалов. Поначалу предполагалось, что деньги будут расходоваться на выплаты родственникам погибших солдат, а также увечным товарищам, однако фонд пополнялся значительно быстрее, чем расходовался. И тогда в голову генералу Ламберту стали приходить новые мысли. Порой весьма неожиданные.

Нику не нравилось, что Равновесный мир так быстро втягивается в большую войну, которая ему совершенно не нужна. Могущественные воюющие стороны все сильнее влияли на экономику и политику родного мира, и генерал Ламберт стал подумывать о том, чтобы положить этому конец. Но как это сделать, если ты командир в лучшем случае пары сотен тысяч отчаянных наемников? Как бы хороши они ни были, к их мнению не прислушается ни одна из сторон.

Где-то в галерее ухнул взрыв ручной гранаты, затем прозвучало несколько выстрелов.

Ник хотел связаться с майором Катаоми, однако отказался от этой мысли. Командир батальона был хорошим офицером, и мешать ему не следовало.

Не потрудившись запереть сейф, Ник вернулся в первое, официальное помещение, чтобы посмотреть, что находится за шкафом. На полу оставались царапины, а стало быть, мебель сдвигали. Нику хотелось узнать почему.

Шкаф легко сдвинулся, за ним оказалась небольшая, прикрытая деревянным щитом ниша.

После некоторого колебания генерал убрал щит – и замер, держа его в руках. Он никак не ожидал увидеть здесь это – тело резектора, пусть даже и мертвого.

И хотя Ник никогда не видел их собственными глазами, ученый Самуэль Литвак показывал Ламберту множество рисунков.

Неизвестно из каких источников Сэм узнал о странных потерях подразделения майора Ламберта на Эльбере и приехал на базу командос-наемников с рекомендацией из штаба округа.

– Я прошу вас, сэр, разрешить мне участвовать в ваших поисках.

– Зачем вам это? Пробежки по тропическому лесу не способствуют здоровью, – просмотрев рекомендательные письма, предупредил Ник.

– Мне это известно, сэр. Но так получается, что вы чаще других оказываетесь в местах, где обитают резекторы. Вот они-то мне и нужны.

Ник хотел изобразить непонимание, однако было поздно – он уже выдал себя.

– Из того, что я слышал об этих тварях прежде, понятно, что их лучше не беспокоить и не злить, иначе они такое творят!

– Это чепуха, майор. И я вам докажу это.

Они проговорили целый час, Литвак прочел Нику пространную лекцию, показывая собственные зарисовки этих странных существ.

– Однажды я даже разговаривал с ними, – признался Сэм.

– Правда? – Ник не удержался от улыбки. – И что же они вам сказали? Объяснили, почему режут людей?

– Они делают это для своей безопасности. Люди демаскируют их, и тогда враги резекторов быстро их находят.

– У них и враги есть? – Ник не знал, как себя вести с Самуэлем, ведь тот говорил какие-то сказочные вещи.

Позже многое, о чем рассказывал Сэм, подтвердилось, и он подолгу находился в экспедициях, пока однажды в отсутствие Ламберта не сгинул в ночных джунглях, и было неизвестно, сожрали его звери или он не поладил с резекторами.

Все эти воспоминания пронеслись в голове у Ника, пока он смотрел на тело с голубоватой кожей и большими черными глазами без зрачков.

Нику не хотелось воспоминаний, не хотелось снова этого страха и чувства бессилия, когда не знаешь, как защититься от подобной опасности. Жаль, что прошло то время, когда он ничего не знал ни о каких резекторах.

«Сделаем вид, что вас нет, парни», – мысленно произнес он и, сняв с пояса гранату, активизировал ее и положил к ногам неподвижного резектора, словно жертвенный дар. Затем быстро вернулся к сейфу и почти с облегчением ощутил удушающий удар взрывной волны.

Глава 22

До поздней ночи продолжалась эвакуация раненых и убитых. Транспортные суда приземлялись на безопасной поляне, куда и собирались остатки батальона. Яркие прожектора освещали все вокруг, распугав всех видимых и невидимых обитателей леса.

Для отправки отличившихся роботов-разведчиков прислали специальный корабль, на котором прибыл майор-инженер Ружечка. Одному из пилотов – кажется, это была Синеккия – досталось осколком от разорвавшейся неподалеку гранаты, в остальном «катчерсы» прошли испытание на «отлично».

В последнее судно генерал Ламберт с группой особо доверенных лиц загрузил мешки с деньгами. Даже беглый подсчет говорил о том, что добыча огромна – около тридцати пяти миллионов империалов.

Вместе с другими на погрузке денежного транспорта работал и сержант Бакстер. Ламберт пытался отправить его вместе с ранеными, поскольку после прямого попадания крупнокалиберной пули в кирасу Бакстер получил сильную контузию и до сих пор плевался кровью.

Медикам пришлось срезать его изуродованный бронежилет по кускам, а затем одевать сержанта в корсет, однако, как только ему сообщили, что разрыва диафрагмы нет, он сбежал.

– Разрыва диафрагмы нет! – радостно сообщил Бакстер, когда Ник попытался прогнать его в санитарный транспорт.

После окончания погрузки денег два офицера в последний раз наведались на территорию захваченного комплекса и в самой середине установили мощный радиомаяк, заметный даже для орбитальной группировки.

Как только судно с валютой оторвалось от поляны и стало набирать высоту, Ламберт связался с орбитой и сообщил, что все его подразделения покинули район предстоящего удара.

– Отлично! Значит, мы даем мерзавцам прикурить?! – обрадовался дежурный офицер, должно быть, изнывавший от скуки.

– Да, можете.

– Кто передал? На кого сваливать дерьмо в случае, если что не так, приятель?

– Генерал Ламберт.

– О! – Дежурный умолк, словно проглотил язык.

Судно продолжало набирать высоту и, проходя сквозь поднимавшиеся над джунглями теплые потоки, тряслось и дрожало так, что пирамиды денежных мешков от тряски стали разваливаться.

Вскоре началась орбитальная бомбардировка. Огромные огненные шары лопались над джунглями со страшным треском, освещая округу на десятки километров и разнося в мелкую пыль все, что находилось в обозначенном маяком районе.

Глава 23

Материк Гама-Веритас на планете Ливорно был ведомственной собственностью Имперской военной разведки. Огромная пустынная территория от побережья и до побережья оставалась закрытой для какого бы то ни было вмешательства извне. На картах Ливорно этот материк присутствовал только в виде скопления подводных гор.

Днем температура на поверхности бескрайних пустынь поднималась до восьмидесяти градусов по Цельсию, ночью опускалась до минус десяти. Под стать суровому климату была и фауна – среди песков обитали только самые ядовитые и смертельно опасные гады, которые, впрочем, были очень мало изучены. Но это устраивало службу безопасности военной разведки – за всю ее историю случаев проникновения на материк нежелательных элементов не было.

Между тем жить на Гама-Веритас было можно. Приемлемые для этого условия создавались в прибрежных каньонах, которые облагораживались не одну сотню лет и со временем превратились в живое пятнышко оазиса, подпитываемое пресной водой из сверхглубоких артезианских скважин.

Влажные морские ветры укрощали непереносимый зной, а искусственные рощи создавали иллюзию северных лесов и прятали от посторонних глаз бесконечные корпуса разведывательного департамента. В них помещались аналитические отделы, центральная операционная база, главное управление и даже учебный комплекс для выращивания собственных элитных кадров.

Единственной постройкой, которая могла украсить не только пустынный материк, но и любой столичный город, было старое десятиэтажное здание в форме восьмиугольника. В нем размещались все самые большие начальники центрального аппарата департамента, зачастую очень далекие от реальной работы, однако влияющие на стратегию военной разведки.

В один из таких кабинетов, размеры которого были сравнимы с небольшим спортзалом, вошел полковник Джадо Рахим. Ему назначили аудиенцию на одиннадцать ноль-ноль, однако целых пятнадцать минут он просидел в приемной, ожидая, пока адмирал Верховен допьет свой утренний кофе.

Без большой чашки этого напитка адмирал не мог полноценно начать рабочий день и оттого, случалось, заговаривался, произвольно переключаясь на операции, которые были благополучно сданы в архив месяцы и годы тому назад.

– Джадо, друг мой! – бодро воскликнул адмирал и, поднявшись из-за стола, вышел навстречу молодому подтянутому полковнику.

Поскольку подобные проявления дружелюбия со стороны адмирала были редкостью, Рахим насторожился.

– Если бы ты знал, как изводят меня эти поставщики. То чай не подвезут вовремя, то табак, то сахар, а ведь в моем возрасте уже трудно себе отказывать даже в самой малости. Что ты об этом думаешь?

– Так точно, сэр.

– Что – точно? И насколько точно?

Адмирал склонил голову набок и хитро прищурился. Он любил сбивать с толку своих подчиненных, считая, что это лучше всего тренирует их способность к концентрации.

– Все, что вы сказали, – точно, с точностью до известных пределов, обусловленных...

– Хватит, Джадо. Ты молодец. Не то что Перри Фильцергуд. Представь, он почти завалил сбор информации по Эддинг-Шваббской операции. Говорит, ты отказал ему в информации по рождаемости на планетах нечетных секторов.

– Это не соответствует действительности, сэр, – стараясь сохранять присутствие духа, начал отвечать полковник Рахим. – Фильцергуд получил всю запрашиваемую у меня инфор-

мацию, и он просил вовсе не то, о чем сообщил вам, а только прогнозы производства стали урайской провинции Дадас за предыдущее десятилетие.

– Прогнозы на будущее, которое уже прошло? Я так понял?

– Да, сэр. Вы поняли правильно.

– Конечно, понял, полковник Рахим, я не тот дурак, за которого вы меня держите. – В голосе адмирала слышалась обида, и Джадо снова напрягся. Он знал, что это всего лишь игра, однако играл Верховен очень вдохновенно.

Адмирал замолчал, рассматривая свои ботинки, затем поднял взгляд на Рахима и, дружески улыбнувшись, подмигнул ему.

– По-моему, звучит несколько двусмысленно «дурак, за которого вы меня держите». Ты не находишь?

– Я не совсем понял, – признался полковник, подавляя вздох.

– Ладно, это уже неактуально.

Адмирал отвернулся и прошел за свой стол. Однако садиться не стал и снова возвратился на середину кабинета.

– Ты слышал, что говорят об адмирале Адамсе?

– Нет, сэр.

– Говорят, будто он «голубой».

– Ничего подобного мне слышать не приходилось, сэр.

Рахим осторожно взглянул на настенные часы, однако те показывали какое-то странное время, поскольку на циферблате было три одинаковых стрелки.

– Так с чем ты ко мне пришел? Или просто так заглянул, чтобы удостовериться, что старина Верховен еще не загнулся?

– Я принес досье на Ламберта, сэр.

– На Ламберта? – Адмирал наморщил лоб, но, кажется, так ничего и не вспомнил. Он отошел к небольшому бюро и, взяв с него дротик для дартса, тщательно прицелился в стальной шар, висевший у стены.

Адмирал с силой послал дротик в цель, однако тот отскочил от твердой поверхности, а Верховен хлопнул себя по коленям и в сердцах воскликнул:

– Ну что ты будешь делать, опять не воткнулся! Может, туповаты дротики, как ты думаешь?

– Наверное, стоит попробовать шар из дерева, – осторожно предложил Рахим.

– Из дерева? – Верховен почесал затылок, затем отрицательно покачал головой. – Нет, если бросать в деревянный шар, он будет отскакивать и, чего доброго, угодит в зеркало. Смотри, какое зеркало, оно висит здесь уже двести лет. Было бы глупо разбить его деревянным шаром.

– Но... – начал было Рахим, однако адмирал тут же перебил его:

– Да, конечно, я помню – генерал Ник Ламберт. Человек из народа.

– Вот его досье. – Рахим продемонстрировал адмиралу зеленую папку. – Тут есть кое-какие новые сведения.

– Необязательно было тащить его сюда, Джадо. Досье на Ламберта я знаю наизусть. Мы ведь вместе начинали, пока он не связался с этой бандой банковских мошенников.

Воспрянувший было духом полковник Рахим снова погрузился в пучину уныния. Адмирал явно не хотел возвращаться к действительности.

– Сэр, я прошу прощения, но это другой Ламберт.

– Это не Ник Ламберт?

– Это Ник Ламберт, но другой, и он гораздо моложе вас, сэр.

– Зачем ты все время намекаешь на мой возраст, Джадо? Что я тебе сделал? Да, я немолод, но еще на что-то гожусь. Вон ты уже весь взмок, пытаешься вывести разговор на нужную

тему, а ничего не получается. – Адмирал вздохнул и развел руками. – Старость, конечно, не мед. Многое забываешь, что-то безвозвратно утрачиваешь.

Взгляд Верховена остановился на мундире полковника, и адмирал не удержался, чтобы его не потрогать.

– Хорошее сукно. По шестьдесят империалов за метр? – спросил он.

– Э-э... семьдесят девять. – От такого вопроса Рахим смутился. Скорее бы закончилась эта аудиенция.

– Так ты думаешь, Адамс не «голубой»?

– Уверен, что нет, сэр. – В голосе полковника прозвучало раздражение.

– Откуда такая уверенность?

– Интуиция подсказывает.

– На твоём месте я бы не особенно доверял интуиции, Джадо. В мире точных наук интуиция выглядит как-то неубедительно.

Адмирал замолчал и, подойдя вплотную к полковнику Рахиму, заглянул ему в глаза:

– Что, Джадо, устал? Ладно, присаживайся, поговорим о деле.

Сам адмирал развалился в круглом кресле возле столика с сигарами, а Рахим пододвинул себе стул из старого полированного дерева.

– Итак, генерал Ник Ламберт, сэр, – начал полковник, настороженно следя за реакцией Верховена и опасаясь, что тот снова сорвется. Однако адмирал был серьезен. – Генерал Ник Ламберт, сэр, является уроженцем Равновесного мира. Это выдающаяся личность, отличный командир для своих солдат, и ему почти всегда сопутствует удача. Ник Ламберт не ищет друзей, часто ссорится с важными людьми и оттого попадает на самые гибельные участки фронтов.

– Хорошо, – кивнул Верховен. – Продолжайте, полковник.

– На стороне имперских войск Ламберт воюет давно, однако в последние два-три года ему все меньше нравится то, что происходит вокруг. Доброволец из Равновесного мира, он, опираясь на свою психологию, ожидал, что война скоро кончится, ведь он отдавал этой борьбе все свои силы. Но время прошло, а положение конфликтующих сторон до сих пор не определилось. Поэтому из яростного сторонника примаров он все больше превращается в равнодушного наемника. Это нас вполне бы устроило, однако место врага у генерала Ламберта теперь занимают некие силы зла, которым выгодно продолжение конфликта. Судя по всему, он становится миротворцем.

– Генерал, блестящий командир и миротворец одновременно – очень вредная смесь. Этот Ламберт опасен, того и гляди начнет перекраивать мир по-своему. Нужно от него немедленно избавляться.

– Самое обидное, сэр, что он действительно хорош. Уничтожение зон добычи на Лодешинс – это тоже его рук дело.

– Вот как? – Брови Верховена поднялись на лоб. Адмирал открыл сигарную коробку и достал оттуда апельсиновый леденец – врачи давно запретили ему курить. – М-да, жизнь сложная штука, Джадо. Приходится избавляться от лучших, однако бездеятельные люди редко бывают опасны. Что еще у тебя имеется о нем?

– У генерала Ламберта есть свой собственный фонд.

– Фонд? – Верховен погонял во рту леденец и, причмокнув, задумчиво почесал нос. – Я так полагаю, Джадо, целью фонда не является защита морских свинок?

– Нет, сэр. Первоначальная цель более чем благородная. Генерал выплачивает деньги вдовам и увечным солдатам, своим землякам. На них ведь не распространяются страховые программы Имперского казначейства.

– Ну-у, не лишено логики. Однако где же он берет деньги?

– Вот тут и начинается практически военное преступление. – Полковник Рахим положил на стол досье и разгладил его ладонью, словно пластиковые крышки могли помяться. – Генерал Ламберт оставляет себе все добытые в боях ценности.

– Да где же там, на фронтах, могут быть ценности? На прифронтовых планетах, которые переходят из рук в руки каждые десять лет, нет ни банков, ни богатых музеев.

– Это так, сэр. Но Ламберт добывает свои богатства не на бедных планетах, а на богатых кораблях противника. Некоторые корабельные кассы содержат немалое количество денег. Кроме того, подразделения генерала участвуют во многих поисковых операциях по перехвату диверсантов, которые тащат с собой наличность. Много наличности, десятки и сотни тысяч. Эти деньги нужны им для подкупа граждан и должностных лиц. Но и это еще не все. Не так давно Ламберта, тогда он был еще в чине полковника, перебросили на подавление сепаратистского движения планет Внутренних Лун.

– Да, с ними безуспешно боролись последние десять лет, – вспомнил Верховен.

– Вот именно, сэр. А Ламберт менее чем за полгода ликвидировал очаги сепаратистских организаций на Лидии-Пенте и Вольтере. На Лидии партизаны чувствовали себя неуязвимыми, а Вольтер играл роль основного плацдарма распространения сепаратизма. Численность лесных армий была там больше, чем на Лидии, но и это им не помогло. И, судя по всему, именно на Вольтере генерал Ламберт взял еще один неплохой куш – более десяти миллионов, это точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.